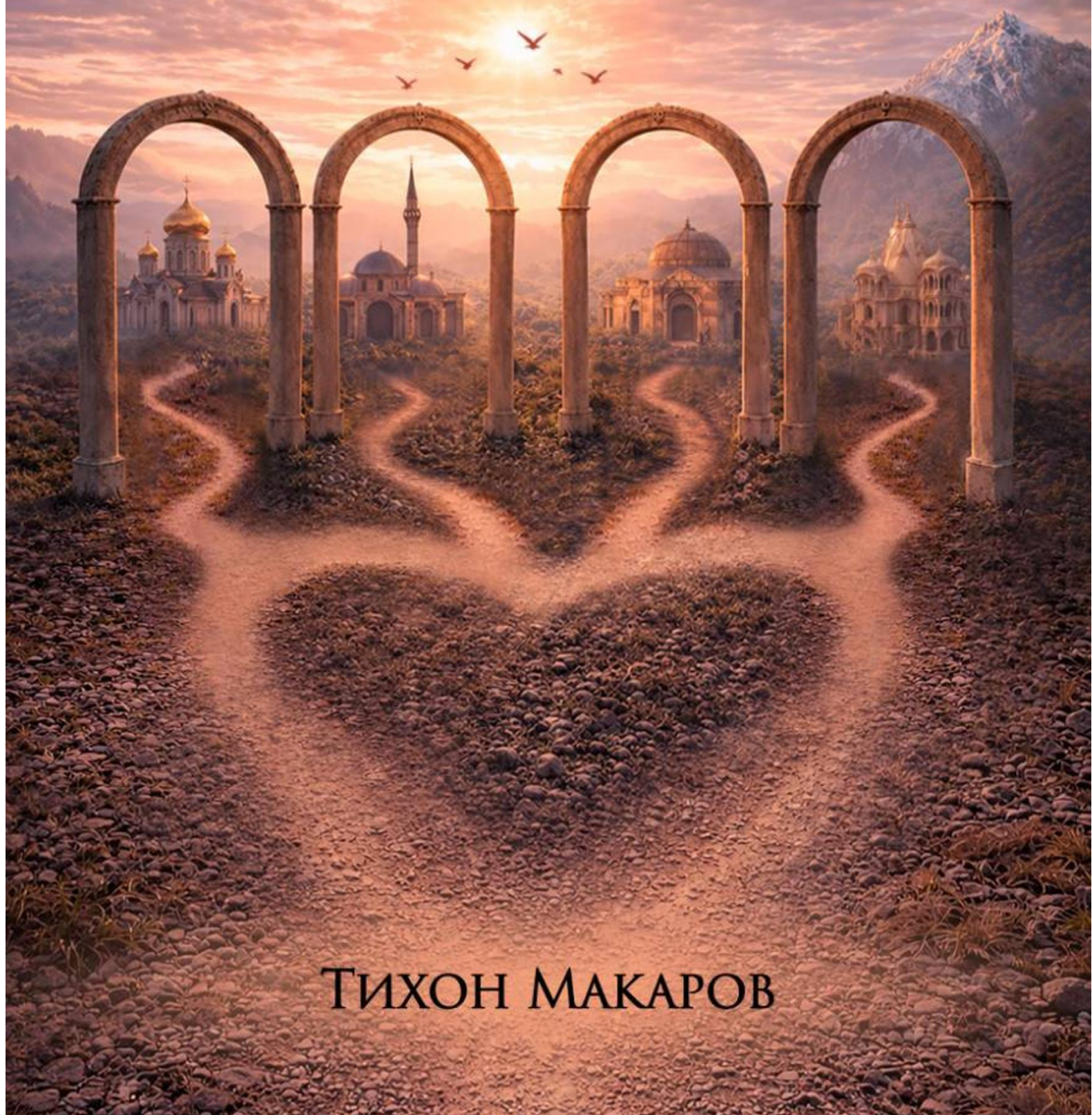

СЕРДЦЕ ВЕРЫ: ПУТЬ К ИСТИНЕ

ТИХОН МАКАРОВ

Тихон Макаров

Сердце веры: путь к истине

«Автор»

2026

Макаров Т.

Сердце веры: путь к истине / Т. Макаров — «Автор», 2026

Если Бог един, то почему к Нему ведут столь разные пути и почти каждый из них провозглашает себя единственно верным? В чем изначальный замысел Бога, допускающий существование различных религий, утверждающих порой взаимоисключающие вещи? И почему даже святые подвижники не всегда приходят к единому пониманию Творца? Кто для нас последователи иных традиций: собратья по поиску или те, кто уводит от истины? Существует ли общий фундамент, на котором мы все стоим, не теряя своей уникальности? И где проходит грань между уважением к чужому выбору и верностью собственному пути? А главное — как каждому из нас достойно пройти свой жизненный путь? Допустим, я верю в Бога: как именно это меняет мою жизнь? Как не просто верить, но и поступать в соответствии с этим пониманием? Как не сбежать от этого мира в религию, а, напротив, привнести духовность в свою повседневность? И как, в конце концов, стать по-настоящему счастливым, а не только «правильным верующим»?

© Макаров Т., 2026

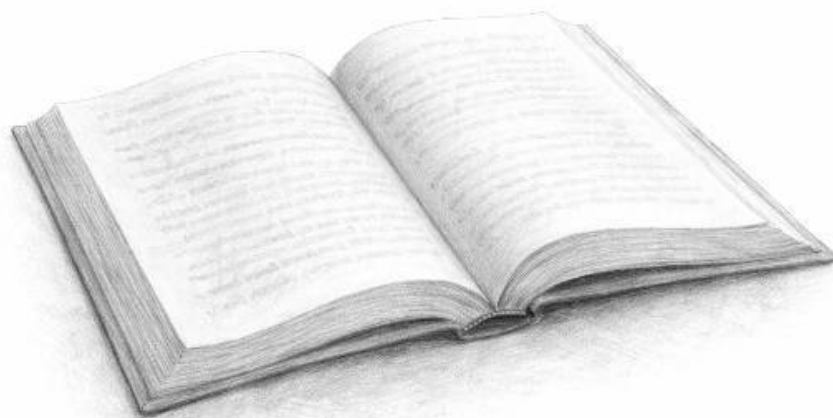
© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Пора просыпаться!	8
Как понять, стоит ли вам читать эту книгу?	14
Несколько слов о работе над книгой	15
Глава 1. Мировая палитра веры	16
Служение личностному Богу.	22
Растворение в безличном Абсолюте.	24
Гармония с мирозданием.	26
Сила и разрушение.	28
Четыре пути	29
На примере православного христианства	37
На примере ислама	40
На примере буддизма	41
О единстве Бога и многообразии Его качеств	47
Как религия возникает из взгляда на Бога	50
Первый шаг — язык.	51
Второй шаг — исторический контекст.	52
Третий шаг — закрепление через постулаты.	54
Четвертый шаг — богослужение.	55
Пятый шаг — культура.	56
Как мы смотрим на Бога — так мы видим и мир	65
Корни сектантского настроения	70
Итог: заменители света не дают тепла	73
Аутоиммунные заболевания религий	75
Одна правда, один путь, один мессия?	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

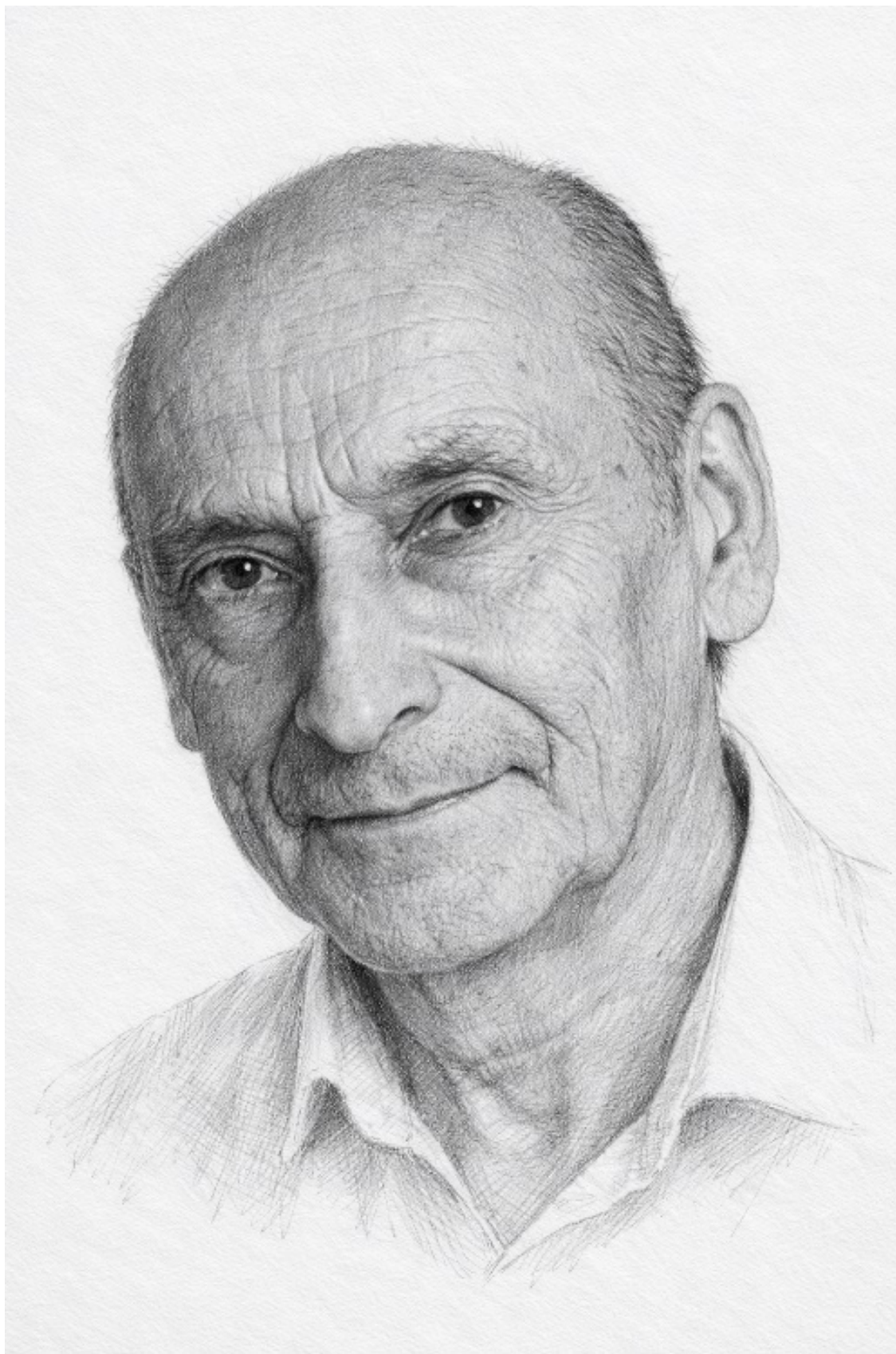
Сердце веры: путь к истине

Глава

Предисловие

На протяжении последних нескольких лет я периодически задумывался о необходимости написания данной книги, не решаясь взяться за столь непростую для себя задачу. Но в какой-то момент судьба свела меня с Михаилом Михайловичем Кривоносовым, президентом Экспертного совета высокого уровня БРИКС. У этого человека есть удивительный дар — способность пробуждать людей от внутренней спячки и направлять их энергию в творческое русло. Именно от него пришел тот самый импульс, без которого данная работа не состоялась бы. Конечно, у нас с ним разные стили изложения, и наши взгляды на многие глобальные вопросы могут отличаться, но моя книга по сути как раз именно об этом — о том, как разные «оптики» и разные пути служат поиску единой Истины. Я рад, что именно его наставления стали отправной точкой моего труда, и с благодарностью передаю ему слово в качестве вступления к книге.

Пора просыпаться!

(от М. М. Кривоносова)

Почему в нашей жизни так часто ничего не меняется? Ответ прост — потому что не меняемся мы сами.

Мы живём в мире Господа, и всё в нём совершается по Его Законам. Законы Мироздания Едины для всех и каждого! Для любого человека, любой национальности и культуры.

Жаль, но мало кто из нас это осознаёт. И потому мы продолжаем каждый говорить о своём и строить собственные представления о том, как следует жить, споря и критикуя друг друга, а затем — ища виновных в наших бедах.

А между тем всё, что происходит в этом мире, происходит исключительно в соответствии с волей Бога. И если всё совершается по Его воле, то главное — не искать виновных, а спросить себя: чему Бог хочет нас научить через происходящее. Ведь даже в несовершенных событиях нашего мира действует Его Замысел, ведущий нас к осознанию.

В XXI веке необходимо искать и находить ответы на вопросы: «Почему жизнь устроена именно так, как она устроена? Что стоит за этим для каждого из нас?». Ответы на них не так-то легко понять, хотя они написаны практически «на каждом заборе». Просто, пребывая в суете, страхе, зависти и раздражении, услышать их нельзя. Человек может прочитать их, но ничего не понять... Не понять, пока не обратит внимание внутрь себя и не спросит: «Кто я, где я и зачем я здесь?» Знания – всегда внутри человека, но открываются они только тогда, когда человек созрел их принять.

Да, нас редко учили с детства искать эти ответы, хотя на самом-то деле вся наша жизнь и есть процесс обучения этому.

Неужели проблемы современного мира ничему нас не учат? Неужели непонятно, что все они происходят не случайно? Всё, что происходит вовне, — отражение нашего внутреннего состояния. И чтобы изменить мир вокруг, необходимо понимать, что вся наша жизнь находится в абсолютной власти Творца этого мира. Он — Творец и Хозяин жизни каждого из нас, а мы — лишь хозяева своих мыслей, эмоций, привычек и поступков, осознанных или не очень... И чаще всего мы действуем неосознанно: спешим, раздражаемся, совершаем ошибки, теряем внимание и память о главном.

Когда человек забывает об этом порядке, он создаёт собственный, иллюзорный, мир обезумевших людей, творящих хаос и уничтожающих свою среду обитания... Это всё то, что современный человек делает сам. Это мир людей, в основной массе своей не понимающих, кто они на самом деле, где они и зачем они здесь. И, что важно подчеркнуть, не желающих этого понимать.

Хотя понимающих, осознавших это, уже тысячи. Для них мир становится совершенным, волшебным, гармоничным и справедливым, потому что они начинают жить по Законам Творца. Но этих людей, согласитесь, пока очень мало, чтобы преобразить всё человечество. Впрочем, путь перемен всегда начинается с тех немногих, кто осознал. Потому давайте начнём с себя.

Все хотят, конечно, наоборот — изменения мира сначала вокруг себя. Но внешний мир лишь отражает состояние нашего сердца. Именно так выстроена Творцом живая система взаимодействия, в которой мы все живём. Внешний мир — это живое зеркало для каждого человека в отдельности! Если внутри нас добро и любовь — снаружи мы видим ту же гармонию. Если внутри обида и зло — то же приходит извне. Люди вокруг нас, даже случайные, становятся зеркалами: они показывают, что происходит в нас самих. Тому есть великолепная русская пословица: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

Снаружи нас – волшебный единый материальный Мир Творца, представленный в миллиардах различных живых форм, постоянно и непрерывно взаимодействующих между собой, зеркальным образом отражающих при взгляде на них мировоззрение самого смотрящего, его отношение к Миру Божьему вокруг. «То, что Вы видите во мне, — это не я! Я – это то, что я вижу в Вас».

Для большинства подобные слова кажутся странными, словно это фантазии человека, оторванного от реальности. Но именно в этом и заключается настоящая трагедия: современное человечество научилось летать в космос, запускать корабли к иным планетам, но так и не познало само себя. Оно не знает, кто такой человек, где он появился, ради чего живёт, по каким законам устроены жизнь и данный ему мир.

Творец создал для человека идеальные, совершенные по сути своей, справедливые для всех и каждого условия для духовного развития и получения необходимого опыта безусловной Любви. Уроки, которые проходит человек, — не простые, а волшебные, живые, как в настоящей сказке.

Мы все ищем смысл жизни, но он открывается не снаружи, а в сердце. Ответы на вечные вопросы не даются разумом, они приходят через очищенные чувства. История человечества — это череда исканий и ошибок, хотя цель её — научить нас любви.

Человек, находясь на Земле, не может знать всей картины Мира, которая выстраивается Творцом. Но то, что каждая Душа в человеческом теле проходит здесь обучение, и получает необходимый ей опыт безусловной любви — это так.

Свобода воли дает человеку право на ТВОРЕНИЕ своей личной жизни, но никак не освобождает его от обязанности соблюдать Законы Мироздания, Законы Хозяина этого Мира, Законы Творца. Они едины для всех, в том числе и для самого Творца, ибо нарушение их ведет к нарушению идеальной гармонии и совершенства этого волшебного Мира.

И только познав себя и Истину, человек сможет развивать себя далее, изучая разные теории, учения, традиции, ибо он теперь знает ОСНОВУ — саму Истину, как Она отражается и звучит у него внутри.

В каждой мудрой фразе, сформулированной другими людьми, другими словами и определениями, основанными на той или иной традиции, человек может почувствовать дыхание Истины, созвучной той, что у него внутри, или наоборот, пройдет мимо ложных, ошибочных взглядов других людей, идущих своим путём, не испытывая к ним ни претензий, ни обид.

Но люди захотели быть богатыми владыками земными. И потому «Сказка о рыбаке и рыбке» сейчас воплощается в реальности. И в этом беда каждого человека в отдельности и, конечно, современной цивилизации в целом. Мы страдаем от своего цивилизационного комфорта, от своей жадности и безответственности. Мы сами разрушаем свой мир до основания в безумстве своём, не ведая, что творим. И это желание владеть закрывает путь к самому себе и познанию Бога в сердце.

Люди забыли сказки, а жаль — в них очень много мудрости. Величайшая мудрость всегда была присуща нашим предкам, которые в быту спокойно могли говорить: «Жить — Богу служить!» В трёх словах передан весь смысл жизни!

Творец создал этот мир, чтобы души, разные по зрелости, учились любить и дарить любовь. Мы — часть Его единого творения. Все мы разные, и каждому дан свой путь, своё задание. Земля — это место великого Промысла, школа душ, где каждый проходит уроки на своём уровне сознания.

Среди нас есть люди, уже осознавшие суть: они стремятся созидать и действовать во благо. Такие люди, объединяя усилия, способны вести других вперёд — силой доброты и сотворчества. Это голос нового мировоззрения: творить добро, делать своё дело с любовью и радостью, и получать взамен не только материальное, но, прежде всего, внутренний свет и чувство сопричастности замыслу Творца.

Где бы мы ни были, мы можем помогать друг другу. Так рождается будущее — мир доверия, сотрудничества и настоящих человеческих отношений. И когда это понимание становится делом, рождаются поступки, в которых проявляется соборность. А сейчас нужны дела! Совместные, всей сильной ратью разумных, осознанных людей, которую надо собирать — всех, кто имеет разум, волю, ответственность, ресурсы и готов действовать во благо, опираясь на самого себя и истинные знания от Творца. Это и есть соборность — единение добра, способное превратить общество в силу Света.

Силой этого движения должна быть Правда Бога. Это аксиома. Правда мира, в котором каждый человек, любой веры и народа, может жить в радости и творить счастливо, ибо так задумал Творец жизнь человека разумного на Земле.

Путь долгий и непростой. Он зависит от каждого из нас, но этот путь ведёт к Свету, опираясь на истинное знание.

Пусть же данная книга поможет нам идти этим путём — видеть законы сердца, очищать восприятие, пробуждать любовь и благодарность. Пусть её страницы станут шагом к радости служения Богу и миру.

Читая эту книгу, я очень радуюсь написанному Тихоном Александровичем Макаровым. Это не просто книга, это — настоящий прорыв в мировоззрении человечества, это шаг человека навстречу к самому себе, к познанию самого себя и мира вокруг.

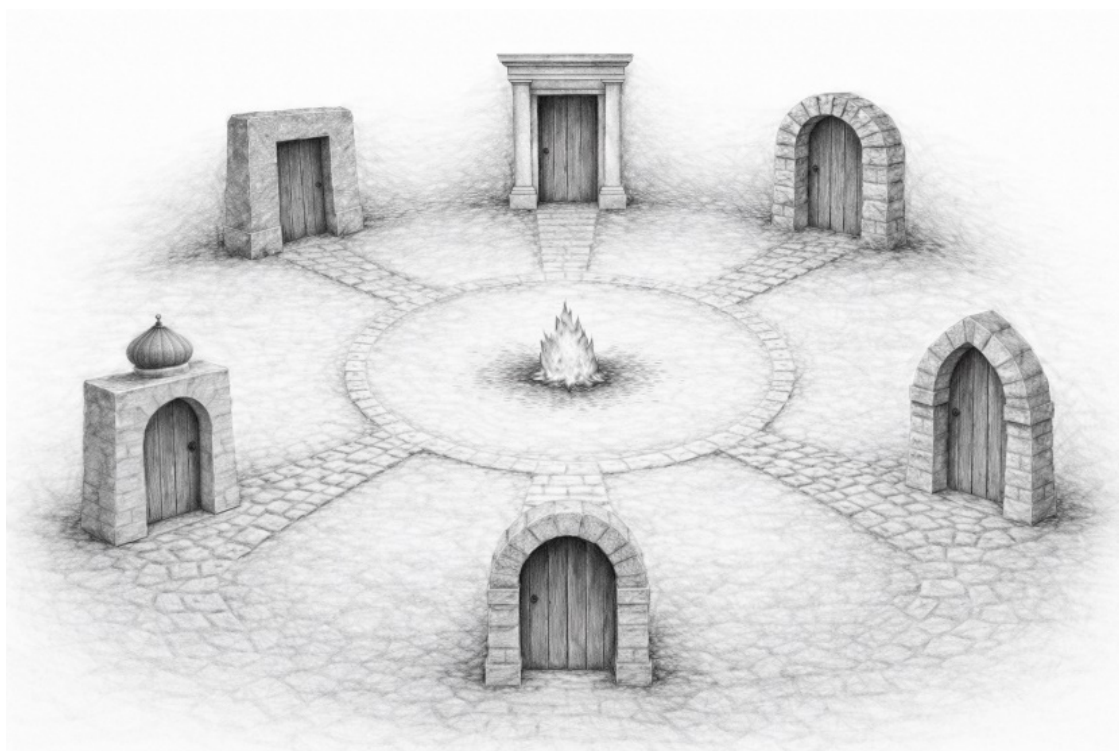
Автору удалось сделать то, что, как мне представляется, он даже не ожидал сам — воссоздать полную картину Мира для человека искренне верующего, во всей его красоте и разнообразии!

Сделать это самому и помочь сделать это миллионам замечательных людей, находящимся во всех уголках нашей прекрасной планеты Земля на своих уровнях духовного взросления — это Победа над самым главным невежеством человечества — незнанием человеком самого себя и мира вокруг.

То и есть настоящий Промысл Божий!

М.М. Кривоносов,

Президент Экспертного совета высокого уровня БРИКС

Введение

Часто религия разделяет людей. Иногда создается впечатление, что каждый народ выбрал себе «своего Бога». Не Единственного и Истинного, а «единственного истинного». И теперь охраняет Его как знамя, под которым не разрешается идти представителям других традиций.

Будто человек, выбравший Бога, вынужден выбрать и какую-то сторону, противопоставив себя иным верующим. К сожалению, даже те, кто во всеуслышание говорит о любви ко всем людям, часто мыслят категориями собственной исключительности, крепко привязываясь к определённой форме веры и ревностно оберегая её, но при этом постепенно теряя из виду саму её суть. Тогда уважение к представителям других традиций остаётся внешним: их готовы выслушать, с ними готовы говорить вежливо и спокойно, но внутренне они всё равно воспринимаются как «искренние, но заблудшие». Или в лучшем случае как люди, не обладающие полнотой знания. И диалог в таком случае ведётся с тайной надеждой, что собеседник однажды расслабится, откроется — и сможет услышать «истину», уже заранее нами определённую.

Это разделение легко заметить в масштабах истории. Вспомните крестовые походы, унесшие сотни тысяч жизней, инквизицию с её «еретиками» и «ведьмами», или размежевание Индии и Пакистана, где на почве религиозной розни погиб миллион человек, а также затяжные конфликты между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке.

Все эти примеры я привел здесь не ради обвинения, а чтобы показать, что подобные трагедии случались в самых разных частях света и в разное время — от Средневековья до наших дней. **Люди причиняли боль друг другу от имени Бога.** И даже не потому, что одни из них Его отвергли, а просто потому, что выбрали Его «не так, как надо».

На повседневном уровне в отношениях между людьми это неприятие иного выбора также заметно, хотя оно и далеко не всегда выражается в открытом противостоянии. А вот негласного отчуждения здесь предостаточно, когда, например, разговор становится неловким, а наше отношение к собеседнику меняется, стоит нам лишь узнать, что он молится иначе. И хотя все это может быть завуалировано вежливостью, за ней обычно скрывается наше непонимание человека, внутренняя дистанция от него и ощущение, что «он, вообще-то, не совсем наш».

Но если Бог один, то и люди, устремленные к Нему, не должны быть чужими друг другу. Это, конечно же, не означает, что следует отказаться от верности своей традиции. Достаточно лишь понять, как возможно существование различия без вражды, а единства — без подчинения всех нашему видению и необходимости сводить их к одной бесцветной массе, где вместо живого различия остается усредненный набор понятий, никого по-настоящему не трогаящий.

И для понимания данной идеи необходимо ни просто оставаться на поверхности религиозного ритуала, а уйти вглубь, чтобы понять её замысел. Ведь между этими крайностями — слияния друг с другом и ощущения отчуждения — есть путь. Не путь компромиссов и отказа от различий, а путь возвращения к истоку — к тому, чтобы различия служили изначальному замыслу, не заслоняя его собой.

Данная книга не претендует на то, чтобы построить очередную теорию объединения религий или создать некую новую «суперцерковь». В ней не будет призывов к общерелигиозному синтезу или попыток стирания граней между традициями. Её задача заключается в том, чтобы помочь читателю глубже укорениться в его собственной вере, увидев в ней то, что по-настоящему соединяет его с Богом. И одновременно с этим распознать в других путях тот же импульс и тот же зов к внутренней правде. Увидеть то, что нередко ускользает из фокуса: что служение Богу не привязано к культуре, географии или формулировке догмы. Оно является сутью разных вероисповеданий. Это соль земли, и то, что делает веру не просто системой

убеждений. Поэтому речь здесь пойдет о выявлении тех универсальных принципов, что лежат в самой сердцевине традиций, как бы различны ни были их внешние формы.

Читая строки выше, вы могли подумать, что эта книга будет посвящена межрелигиозному миру. Но она предназначена не только для этого. Подобный мир является естественным следствием того, что мы хотим здесь с вами обсудить. **Ведь непонимание глубинной сути других традиций – это лишь симптом поверхностного понимания своей.** Поэтому данный труд обращен к каждому, кто чувствует, что вера — это не просто принадлежность к какой-то конфессии или набор ритуалов, а прежде всего способ жить с ощущением присутствия Бога. К тем, кто ищет Его близости в своей жизни, и кто не хочет останавливаться на уровне идеологий, стремясь к живой встрече с Тем, Кто стоит за этими идеологиями.

Иными словами, **эта книга предназначена для любого верующего человека, который не хочет довольствоваться только верой в Бога, а ищет в жизни большего: полного и безраздельного доверия Ему.**

Она написана как для тех, кто давно верит в Бога, так и для тех, кто только встал на путь обретения этой веры; для тех, кто нашел прибежище в своей традиции, и для тех, кто лишь стоит на перепутье, не зная пока, куда отправиться дальше.

И если данная работа поможет кому-то обрести внутреннюю ясность, укрепить веру и преодолеть страх перед чужим, не теряя при этом глубины своего, значит, она написана не зря. Но если в ком-то она пробудит желание быть не просто религиозным человеком, а именно служить Богу, посвятив этому свою жизнь, — значит, она достигла своей цели.

Прежде чем начать наше путешествие, важно понять, что его цель не сводится к тому, чтобы просто узнать о религиях больше, чем мы знали раньше. Его цель состоит в том, чтобы сделать шаг к подлинно духовной жизни, в которой вера перестает быть отдельной сферой и начинает пронизывать все наше существование. От того, как мы отдыхаем и начинаем день, до того, какие принципы лежат в основе нашего общества и государственного устройства.

Многообразие религиозных обрядов нередко воспринимается как противоречие. Но еще на него можно смотреть не как на конкуренцию форм, а как на многоязычие. Не случайно в духовной литературе, говоря о религиях, довольно часто прибегают к образу единого света, проходящего сквозь витражи и начинающего играть сотней оттенков. Аналогичным образом, восприятие Единого Бога преломляется через историю, культуру и темперамент народов, подчёркивая разные Его грани.

Истинная же причина конфликтов на религиозной почве лежит не в различии обрядов, а в отсутствии внутреннего преображения человека. Пока он остается пленником собственного эго, любой священный символ может стать поводом для спора: «Мой храм святее твоего, мой пророк — выше». Так вера, лишённая перемены сердца, легко превращается в знамя идеологической борьбы. Именно поэтому подлинные духовные наставники всегда ставили нравственное очищение превыше внешних знаков. Пророк Исайя обличал: *«Не выношу празднования без праведности... омойтесь, очиститесь»* (Библия, Исайя 1:14–17). Христос учил: *«Очисти прежде внутренность чаши»* (Библия, Евангелие от Матфея 23:26). Коран подчеркивает: *«Благочестие — не в том, чтобы обращать лица на восток или запад, а в вере и добрых делах»* (Коран 2:177). А пророк Мухаммад добавляет: *«По истине, дела оцениваются по намерениям»* (Сахих аль-Бухари 1:1). Эти слова служат нам напоминанием, что без внутреннего преображения религиозная практика превращается в механический ритуал, а настоящая вера всегда зовет к перемене не только взглядов, но и сердца. Именно эта перемена формирует общий духовный нерв всех теистических традиций.

В «младенчестве веры» мы склонны делить мир на «нашу истину» и «их заблуждение». Но по мере духовного взросления приходит понимание, что **Бог не является частной собственностью какой-либо конфессии. Он — источник всего бытия.** А святые в каждой традиции, прошедшие этим путем до конца, свободны от духа соперничества. Для них важна

именно глубина живого обращения к Богу, поэтому их пример напоминает, что подлинная духовная жизнь не разделяет, но объединяет.

Апостол Иоанн писал: «В любви нет страха». В истинной любви нет нужды в страхе, потому что она соединяет нас с Тем, Кто держит все в Своих руках. Настоящая вера заключается не в том, чтобы победить других своими аргументами, а в том, чтобы самому становиться ближе к Богу. В этом случае наш диалог перестает быть спором о «правильности» и становится обменом опытом в служении: с уровня «докажи, что ты прав» мы переходим к «расскажи, как ты живешь перед Богом».

Впрочем, тогда возникает закономерный вопрос: если мы отказываемся от споров и выбираем уважение, означает ли это, что теперь любой путь надо считать истинным? Или закрывать глаза на то, что искажения бывают? Причем как в практике, так и в мотивах, и в настроении?

Нет, зрелая духовность — это вовсе не об отсутствии критического мышления. Однако оно требует честности. Там, где речь идет об отклонении от праведности, искажении образа Бога или явном зле, спор — это форма защиты истины и помощи тем, кто сбился с пути. Но при этом важно не перепутать отклонение от сути с иной формой передачи той же самой сути. Ведь не имея достаточной чистоты сердца, мы склонны будем совершать эту подмену.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что за ритуальным многообразием часто скрываются подлинные различия в мировоззрении. Одни верят в единственную, неповторимую земную жизнь и ожидают воскресения; другие — в множество перерождений; третьи и вовсе ставят под сомнение саму идею личностного аспекта Творца. Эти расхождения формируют в нас культуру, этику и представление о смысле бытия. Как же нам тогда говорить об «общем свете», не притупляя острых углов? На все эти вопросы я и планирую ответить в главах данной книги.

Как понять, стоит ли вам читать эту книгу?

Я не знаю, как сказать это иначе, поэтому скажу прямо. Я понимаю, что в наше время выделить несколько дней и прочитать объемное произведение — для многих это настоящая жертва. Тем более что книг уже написано бесчисленное множество. Почему же стоит выбрать именно эту?

И пускай сейчас я могу показаться кому-то торговцем на рынке, нахваливающим свой товар, но все же отмечу, что данная книга действительно уникальна в своем роде. Существует множество работ, описывающих духовность, но лишь в рамках какой-то конкретной традиции и ее догматов. Не меньше написано и книг по сравнению религий в академическом стиле – из них многое можно узнать, оставаясь при этом на сугубо теоретическом уровне. Обычно они не меняют сердце и жизнь человека.

В последние десятилетия книжные полки наводнили также и книги, стремящиеся примирить существующие религии, утверждая единство различных путей. Но обычно они лишь говорят о некоем дружелюбии или предлагают новую синкретическую религию, не давая ключа к единству, наполненному многообразием.

Данная же работа – одна из немногих в истории, стремящихся выявить единый стержень в разных духовных традициях, ведущих к Богу, не смешивая и не уравнивая их, а уважительно вглядываясь в суть и уникальность каждой. В ней мы вместе будем искать универсальные принципы служения Истине, учиться отличать подлинную духовность от ее ментальных искажений и находить ответы на вызовы современного мира.

Поэтому, смею надеяться, она подойдет вам независимо от того, к какому вероисповеданию вы относитесь, и поможет углубить его понимание.

Вы можете закрыть эту книгу прямо сейчас и заняться чем-то другим. Но я обещаю вам, что, прочитав ее, вы на многое в своем понимании религии и духовной жизни взглянете совершенно иначе. Звучит пафосно и чересчур претенциозно? Пусть так.

Однако я не призываю вас лишь прочесть очередную книгу. Я приглашаю вас в совместное путешествие. И оно не сводится просто к банальному чтению. Книга – это лишь начало. Ее задача помочь не только теоретически понять духовный путь, но и прожить свою жизнь в соответствии с этим пониманием. Потому, если вы стремитесь к Богу, я приглашаю вас в этот путь длиною в жизнь. Он будет разным — иногда радостным, порой трудным, но что уж точно — он никогда не будет скучным.

И пусть мы с вами лично не знакомы. Мы все равно можем быть опорой друг для друга, даже просто зная, что где-то еще есть люди, идущие тем же путем, идущие к Богу. И однажды мы все обязательно встретимся у Него.

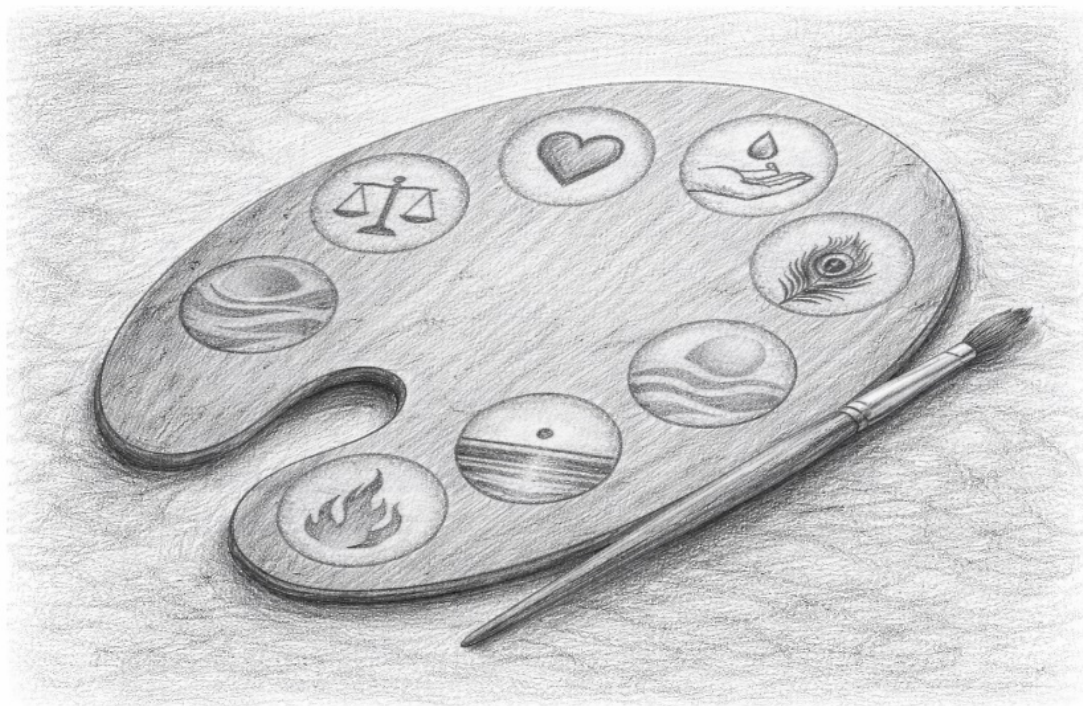
Несколько слов о работе над книгой

Возможно, это отступление является лишним, и всё же мне хочется быть максимально честным со своим читателем.

Эта книга создана в эпоху «нейросетевого бума», когда алгоритмы штампуют тексты за секунды, часто обесценивая литературный труд. Многие из нас уже привыкли к однообразному цифровому шуму и научились мгновенно распознавать искусственность, справедливо считая её признаком дешевого продукта.

Я разделяю мнение, что использование нейросетей в качестве суррогата авторского мышления — безусловный моветон. При этом в ходе работы я тоже обращался к искусственному интеллекту, но с совершенно иной целью. Для меня нейросеть стала не заменой творчества, а строгим, беспристрастным рецензентом и спарринг-партнером. Каждый абзац этой книги прошел через пять, десять, а иногда и двадцать моих правок. В процессе редактирования я привлекал технологии для перекрестной критики, чтобы очистить мысль от всего наносного и найти самые точные формулировки для сложных философских идей.

Этот же принцип я перенес и на визуальную часть книги. Чтобы глубже передать атмосферу, мне хотелось дополнить текст визуальными образами. Но я не обладаю талантом художника, и ни один сторонний иллюстратор не смог бы выдержать тот марафон правок, который требовался для точного воплощения моего внутреннего видения. Поэтому я взял эту роль на себя: сам создавал концепции иллюстраций, но «рисовал» их не карандашом или красками, а с помощью современных технологий — словом и клавиатурой.

Глава 1. Мировая палитра веры

Однажды трое странников пробудились в долине меж высоких гор. Никто из них не знал, как они там очутились. Не было ни тропы, приведшей их сюда, ни указателя, куда двигаться дальше.

Первый сказал:

— Эта земля велика и полна тайн. Видите, как здесь течет река, как склоняются ветви перед бурей? Необходимо понять законы этой местности и жить по ним. Кто читит правила этого мира, того не постигнет беда.

Так, он стал поклоняться холмам и речным камням, учиться согласию с мирозданием и искать благоволения у тех, кто невидимо правит этой землей.

Второй сказал:

— Я чувствую, что это место – не мой дом, пусть я и не помню, где он находится. Возможно, его у меня никогда и не было, но я точно знаю, что я не отсюда. Не стоит пытаться прижиться в этом месте. А для того, чтобы вспомнить своё истинное место, мне необходимо, чтобы меня ничего не отвлекало. Мне надо умолкнуть, закрыть глаза и уйти вглубь себя.

Он сел у подножия скалы, сомкнул веки, и замер, словно вытесанный из камня.

А третий смотрел в небо.

— Я здесь не один, — подумал он. — Солнце греет, но не сжигает. Воздух находит нас повсюду, давая возможность дышать. Сама земля под нашими ногами полна жизни, которая дарует пропитание. Даже в буре есть смысл — очищающий воздух, а в зимней стуже — покой для земли. Да и зачем фруктовым деревьям плоды, цветам аромат, а птицам песня, если не для того, чтобы кто-то ими восхищался? В моей душе живет жажда чего-то большего, чем просто еда и кров, и эта жажда находит ответ в закатах и шепоте листвы. Кто-то вложил в меня способность любить этот мир. Тот, кто создал красоту, не может быть равнодушен ко мне. Я не знаю, где Он и кто Он, но чувствую, что Он ждет меня. Я слышу Его зов и хочу найти Его.

Он поднялся и пошел, не отрекаясь от мира и не поклоняясь ему, но ища Того, Кто стоит выше всего, и Кому все это принадлежит. Так они и разошлись: один — за законами мира, другой — в безмолвие, а третий — за чьим-то зовом. Первый остался и стал хранителем ритуалов. Он ведал знаками, временами и обрядами, а люди приходили с уважением послушать его. Второй в полном безмолвии оставил этот мир, а тело его развеялось под шелест листьев, и лишь у подножия скалы осталось углубление в камне, где он когда-то сидел. Куда в итоге ушел третий – никто не знает. Правда, вдоль его пути люди со временем находили разные предметы: свиток, перевязанный нитью, но не раскрытый из почтения, камень с начертанным на нем знаком покорности, павлинье перо, словно вытравленное в танце, и хлеб, разломанный пополам, будто им делились с Тем, Кто, наконец-то, пришел.

От Иерусалима до Гималаев и обратно

Точно так же, как в кругосветном путешествии нам пришлось бы пройти и через горы, и через пустыни, и через степи, и переплыть реки с океанами, каждая глава этой книги будет иметь свой собственный, особенный ландшафт. Иногда на этих страницах будет больше научности, иногда — художественности, иногда — почти исповедальной искренности; порой книга, возможно, заставит нас плакать, а порой будет звучать как манифест, зовущий к действию, или как практическое руководство на каждый день.

Первая глава будет немного энциклопедичной по своему тону. Пусть вас это не пугает, уважаемый читатель. Просто, прежде всего, мне хотелось, чтобы в нашем сознании возник не разрозненный коллаж из отрывочных знаний о религиозных течениях, а более-менее **цельная и ясная карта мировых религий**.

Согласитесь, в многообразии религий и духовных путей довольно легко заплутать. Стоит только взглянуть на список одних лишь названий: суннизм, католицизм, протестантизм, вайшнаизм, буддизм махаяны и тхеравады вместе с тибетским буддизмом, православие, шиизм, суфизм, шиваизм, африканские традиционные религии, сикхизм, мормонизм, иудаизм, даосизм, бахаи, конфуцианство, джайнизм, синтоизм, тэнрикё, язидизм, друзы, хасидизм, маори и полинезийские культы, чхондогё, шаманские пути народов Сибири и Аляски, мандеизм, коренные верования народов Австралии и Европы, самарянство и множество других.

Знакомы ли вы с ними? А что, если именно та, о которой вы ничего не слышали, способна раскрыть вам правду об этом мире?

(Кстати, если кто-то вдруг задался вопросом, почему его любимая религия оказалась в списке не на первом месте — все просто: я перечислил их по убыванию числа последователей.)

Причем многие из этих традиций имеют десятки, а иногда и сотни ответвлений. Количество одних только протестантских конфессий исчисляется в тысячах — от крупных международных союзов, таких как баптисты, пятидесятники, англикане, методисты, лютеране и реформаты, до небольших независимых общин. Разнообразие направлений присутствует и в

исламе, и в католицизме с православием, и в индуизме, буддизме, иудаизме. Согласитесь, даже человеку с искренним интересом тут легко запутаться.

Так что давайте начнем разбираться...

Если взглянуть на их истоки, то можно заметить, что большинство крупнейших современных мировых религий берет свои истоки всего лишь из четырех регионов: из «Святой Земли» (от Иерусалима до Мекки), Иранского плато, Индии и Китая.

Помимо них существует еще множество коренных путей. Это духовные системы народов Африки, обеих Америк, Европы, Сибири, Австралии и Океании. Их не объединяет один географический исток, но всех их роднит общий взгляд, о котором мы поговорим позже.

Таким образом, **современные мировые религии восходят к четырем крупным культурным очагам, а поверх них существует рассеянный слой коренных духовных путей.**

При этом верования, происходящие из одного истока, часто несут **общее «мировоззренческое ДНК»** — характерный взгляд на окружающую реальность и роль человека в ней. И потому ключевое различие между этими группами традиций заключается в том, как они относятся к миру вокруг нас, его Источнику и человеку как неотъемлемой части Творения.

Происходящие от одного основателя — Авраама, который, согласно Ветхому Завету, поверил Богу и стал праотцом всех вероучений, «**Дети Святой Земли**» — иудаизм, христианство, ислам и родственные им традиции утверждают, что мир, в котором мы живем, единственный. Он реален и ценен, потому что именно здесь вершится история человека и раскрывается замысел Творца. Этот мир не является плодом ошибки или иллюзии, но играет роль сцены, на которой разыгрывается драма свободы и любви. Взгляды на природу души в этих традициях могут различаться: одни считают, что она возникает вместе с телом, другие говорят о ее небесном происхождении, но все они соглашаются в том, что человек создан для жизни здесь и несет ответственность за этот мир. А спасение — не побег из мира, а вера в то, что вместе с Богом можно исцелить и преобразить как самого человека, так и мир вокруг. Поэтому история здесь — это путь с понятным началом и концом: от Сотворения мира к Судному дню и полному обновлению всего, когда Бог восстановит Свой замысел.

К этим представлениям присоединяются и традиции **Иранского плато**, прежде всего зороастризм. Его образ мира как арены борьбы Света и Тьмы, ожидание Конца времен, воскресения и окончательной победы добра как раз и оказали заметное влияние сначала на философские школы Ближнего Востока, а затем, косвенно, и на авраамические религии.

А для «**Детей Ганги**» — индуизма, буддизма, джайнизма и близких им учений — этот видимый мир чаще воспринимается как временное пристанище или оболочка, за которой стоит вечная родина души, откуда она пришла и куда стремится вернуться. Причины ее пребывания здесь различными школами духовной мысли объясняются по-разному, но все они сходятся в том, что, пока человек связан круговоротом рождения и смерти, он остается в этом мире страдания и несовершенства. Отсюда и происходит его стремление к освобождению, которое достигается путем очищения ума и сердца: через знание, медитацию, аскезу и предание себя Богу. При этом в некоторых направлениях индуизма, особенно в вайшнавизме, подчеркивается, что этот мир сотворен Богом не случайно. Это место Его божественной игры и пространство, где душа также всецело может служить Ему, несмотря на то, что оно не является её вечным домом.

В свою очередь «**Наследники Желтой реки**» — конфуцианство, даосизм, синто и родственные им философские школы — сосредоточены не на уходе из этого мира и не на его преобразении, а на собственной гармонии с ним здесь и сейчас. Мир для них — это узор взаимосвязанных сил, и задача человека — настроиться на него, будь то через соблюдение правил, участие в ритуале, следование Дао или улавливание баланса *инь-ян*.

Среди **коренных** африканских, американских, европейских, сибирских, австралийских и других традиций также преобладает образ мира как живого, одушевленного пространства, с которым следует вступать в доверительные отношения. Земля, ветер, огонь, предки, духи местности — все это воспринимается как часть общего ритуального и природного миропорядка. Эти традиции редко стремятся к спасению или освобождению в ином мире. Скорее, они учат жить в уважении и согласии с окружающим, поддерживая равновесие между видимым и невидимым.

Кроме того, на границе с этими традициями порой возникает еще один, четвертый, — теневой взгляд на мир. В нем реальность воспринимается как место для подчинения и насилия. Такой взгляд не стал основой ни для одной из мировых религий, однако его следы можно обнаружить в некоторых крайне радикальных течениях. Например, в обрядах человеческих жертвоприношений у древних ацтеков или в тех из шаманских ритуалов, где стремятся силой подчинить себе духов. И справедливости ради стоит добавить, что фрагментарно его можно встретить почти в любой традиции, когда ее знание используется вразрез с духовной сутью.

Вот, в общем-то и все. Несмотря на многочисленность религиозных движений, мы сейчас вкратце рассмотрели их все. Итак, что же мы получили, сделав весь этот обзор различных взглядов на мир, восходящих к нескольким корням?

Из данного обзора мировых религий мы можем видеть, что несмотря на богатую палитру вероучений с их многообразием и уникальностью, все религиозные традиции, пусть и со своими уникальными оттенками и полутонами, в своих целях сводятся **к четырем основным видам отношения к миру:**

*

Преображение и очищение (преимущественно в «Святой Земле» и Иране).

*

Освобождение (преимущественно в Индии).

*

Сонастройка (преимущественно в Китае и многих коренных традициях).

*

Эксплуатация (у разных коренных народов и в тени некоторых традиций).

Вопрос для размышления

Прежде чем двигаться дальше по карте мировых религий, давайте сделаем небольшую паузу. Эта книга — не просто информационный бюллетень. В ней вы будете встречать вопросы и задания, которые помогут примерить прочитанное к своей жизни. Очень советую не пропускать их. Можно отвечать на них сразу или возвращаться к ним после прочтения главы — как вам будет удобнее. Кстати, возможно, вам пригодится дневник, куда вы захотите записать свои размышления по поводу прочитанного.

Итак, вот несколько первых вопросов для размышления:

*

Каковы ваши культурные корни? К какому из культурных очагов («Святая Земля», Иран, Индия, Китай, коренные пути) вы чувствуете внутреннюю близость или «принадлежность»? Почему именно к нему?

*

К каким духовным традициям помимо своей вы испытываете наибольшее уважение? За что именно вы их уважаете?

*

Ваша личная «карта» веры: учение каких традиций вы знаете достаточно глубоко? Каких лишь поверхностно? А о каких почти ничего не слышали? Есть ли среди «незнакомых» та, которая вас особенно интересует и о которой хотелось бы узнать больше?

*

Преображение, освобождение, сонастройка... Прислушайтесь к себе, как вы сами смотрите на этот мир и цель своего существования в нем? Чувствуете ли вы, что этот мир не просто случайность, а замысел Бога, в котором каждому отводится своя роль? Что ваша задача, возможно, заключается не в том, чтобы просто жить, а участвовать в Его планах, помогая преобразовать этот мир, возвращая его к первоначальной красоте и истине? Это отголосок пути преобразования.

Или, наоборот, ощущаете усталость от этой вечной борьбы? Не кажется ли вам, что мир — это суета, иллюзия, временное пристанище, из которого хочется «вырваться» на свободу, найти покой где-то глубоко внутри или за пределами всего этого? Таково настроение на пути освобождения.

А может, для вас важнее всего жить правильно, размеренно и гармонично, чувствовать себя частью большого, мудрого миропорядка? Это — язык принятия окружающего мира.

Про четвертый путь, путь эксплуатации, особо говорить не будем — если вы читаете эту книгу, вероятно, он вам не близок.

Скорее всего, в вас звучат разные ноты. Но какая-то — громче. Попробуйте уловить: какой взгляд на мир вам сейчас ближе всего.

Вершина все-таки не одна

Вот мы вкратце и рассмотрели четыре принципиально разных взгляда на мир. Еще один глубокий водораздел между религиозными традициями располагается в области того, к чему в конечном счете они ведут, то есть каков результат их практик. Некоторые книги, стремящиеся показать единство религий, утверждают, что все они похожи на тропы, ведущие к единой вершине. Но вот незадача – вершин-то несколько, и они различны меж собой. Так, разные пути могут вести к:

*

Служению личностному Богу.

То есть по пути налаживания отношений с живым Творцом, где высшая цель – это близость с Ним и исполнение Его воли.

*

Растворению в безличном Абсолюте

. То есть по пути внутреннего освобождения, где цель — не сохранение личностного «я», а растворение его ограниченных форм в беспредельной и безмолвной реальности.

*

Гармонии с мирозданием

. Это путь, в котором целью становится благополучие и жизнь в согласии с окружающим миром, независимо от того, кто стоит за ним: Единый Бог, безличные силы и законы природы или множество божеств, духов и предков.

*

Овладению силой или разрушению границ.

Это путь, в котором целью является власть

,

преодоление различных сдерживающих пределов и ритуальное овладение стихией жизни или смерти

.

Иногда это выражается в стремлении к тотальному господству, иногда — к самораспаду или к слиянию с первобытным хаосом.

Эта четверка целей похожа на описанные выше четыре отношения к миру, и все же она раскрывает иной срез. Хотя часто действительно усматривается соответствие — например, путь к личностному Богу чаще встречается там, где данный мир признается родным домом души, — но это далеко не всегда. Как мы увидим ниже, в тех традициях, где наш мир считается временным или вторичным, также встречается искреннее обращение к Богу как к личности. А там, где мир почитается как дом, вполне возможна жизнь без молитвы и стремления ко Всевышнему. Поэтому теперь мы рассмотрим не то, каким человек видит мир, а то, чего он ищет всей душой.

Служение личностному Богу.

Это путь развития личных **отношений с Богом**. И такие отношения возможны только, когда мы признаем, что Бог — это не идея, не символ, не бездушная сила, не просто закон или космический принцип и не безмолвная пустота, а живая абсолютная Личность — Господь, который зовет и отвечает. К Нему можно обращаться, с Ним можно вступить в своего рода диалог. Ради отношений с Ним можно и стоит жить.

Суть такого пути не в том, чтобы просто соглашаться с доктриной о существовании Личности Бога. Она в том, чтобы начать жить с ощущением, что это действительно так. Представьте себе кого-то, кто старается прожить день не сам по себе, а вместе с Богом. Утром он обращается к Нему с благодарностью за дарованную жизнь. Днем, встречая других людей, он старается помнить, что эти души так же дороги Богу, как и он сам. В трудные минуты он ищет не только выхода из сложной ситуации, но и смысл ее прихода в свою жизнь, спрашивая в сердце: «Чему Ты хочешь научить меня этим?» И даже самые простые дела, вроде заботы о близких или работы, он старается делать так, чтобы они были служением Господу. В этом и кроется суть отношений.

Около половины верующих на Земле исповедуют **авраамические религии**. То есть относят себя к разным направлениям иудаизма, христианства и ислама. И хотя между ними есть серьезные различия, например, в признании Христа или в понимании благодати, все эти три традиции, как мы рассмотрели выше, имеют общий культурный и исторический корень, благодаря которому их всех объединяет вера в Единого Бога-Творца, который сотворил вселенную из небытия и продолжает вести ее к определенной цели. Бог в них понимается как Личность, абсолютно трансцендентная и единственно достойная поклонения. Он не просто Начало мира, но и его постоянная Основа, непрерывно поддерживающая бытие.

А человеческая история в этих религиях представлена как путь, который необходимо пройти. Хотя человек утратил изначальную близость с Творцом из-за греха, он остается свободным откликнуться верой и послушанием, принять прощение и жить под руководством Бога, уповая на Его милость. Так история постепенно движется к исполнению замысла: всеобщему воскресению и Последнему суду, на котором будут взвешены все поступки, и верные войдут в обновленную реальность — мир, где воцарится воля Бога и не будет больше смерти.

И хотя авраамические религии наиболее известны, особенно в западной культуре, среди ведических школ Индии также существуют направления, поклоняющиеся Единому Богу.

Основным среди них является **вайшнавизм** — направление, названное по обращению к Богу по имени Вишну, что в переводе с санскрита означает «всеобъемлющий», «всепроницающий», «вездесущий».

Вайшнавизм утверждает, что за всем сущим стоит Верховный Господь — всеведущая личность, исполненная милости и красоты. Бог является источником и опорой бытия, но при этом остается свободным от него, пребывая в Своей вечной духовной обители. Дело в том, что душа в вайшнавизме не сотворена во времени. Она вечна, как и Сам Бог, живя с Ним в Его обители. Но она может забыть свою природу и оказаться вовлечена в круг перерождений в материальном мире. Материальный мир сотворен Богом не как вечное пристанище, а как временное пространство, где души могут очиститься и вернуться к вечным любовным отношениям с Ним в изначальной духовной реальности.

Элементы персоналистического подхода встречаются и в других традициях индуизма — **сикхизме, шиваизме и шактизме**, — но в рамках традиций Индии именно вайшнавизм

является основным корнем и носителем культуры любви и взаимоотношений с Личностным Абсолютом.

Есть и другие традиции с монотеистическим учением о Едином Боге, такие как зороастризм и вера бахаи. Однако в них образ Личностного Абсолюта, как правило, занимает важное, но не всегда центральное место в жизни верующего. А потому, если говорить о зрелых духовных путях, в которых Личность Бога — центральная фигура в жизни верующего, объект его любви и личного обращения, то **наиболее полную форму это приняло лишь в двух линиях: в большинстве авраамических религий и в различных направлениях вайшнавизма.**

Растворение в безличном Абсолюте.

Многие другие исторически сложившиеся духовные традиции, восходящие главным образом к учениям Индии, говорят о божественном, но при этом отрицают, что Бог обладает личностной природой.

Они признают существование Абсолюта, но описывают Его не как Того, Кто любит, а как Того, Кто слишком велик, чтобы вступать в отношения. Вместо личной встречи с Богом они предлагают растворение в Нем подобно каплям в океане. Такое направление называют имперсонализмом — не в осуждающем, а в описательном смысле, поскольку Абсолют здесь лишен личного облика. Он вне чувств, вне образа и вне слов. Это не Личность, не Существо, не Воля и не Разум. Его описывают как Чистое Бытие, Свет, Пространство, Пустоту или вовсе как нечто, о чем невозможно сказать ничего определенного.

В том случае, когда Бог воспринимается как Личность, духовный путь ведет к живым, близким отношениям с Ним. Но когда Высшее понимается как бесформенное и запредельное, то и цель жизни видится иначе: освободиться от иллюзии «я», перестать ощущать себя отдельным существом и слиться с тем, что находится за пределами всех слов и отождествлений.

Другими словами, если для одних людей высшее переживание — это живое соприкосновение с Личностью, то для других — это **тишина, покой и слияние**. И если в первом случае Бог — это любящий Отец, Наставник и Друг, то во втором — это безбрежный Океан, в котором растворяются реки.

Порой это может звучать довольно абстрактно, поэтому давайте опять же обратимся к образу. Представьте себе человека, который каждое утро выходит к морю. Он сидит на берегу и смотрит, как солнце поднимается над водой. Сначала он чувствует себя наблюдателем: вот я, вот море, вот небо. Но чем дольше он сидит, тем сильнее начинают исчезать границы. Ветер касается его лица, и он уже не знает, где кончается его дыхание и начинается дыхание мира. Волны шумят, и он не может отделить их движение от биения собственного сердца. И в какой-то момент пропадает само ощущение «я наблюдаю», остается только тихое, безличное созерцание. Нет мыслей, нет желаний, нет различий — будто исчез тот, кто смотрел, и осталась лишь безмолвная полнота. Для многих именно это переживание растворенности и потери «я» в Великом Целом становится духовной целью.

Например, в большинстве школ **буддизма** Бог вообще не упоминается. Центральной целью считается нирвана — прекращение страданий, растворение эго, выход за пределы индивидуального «я». Это путь строгой дисциплины, медитативного созерцания и внутреннего прозрения. К этому пути близок и **джайнизм**.

Адвайта-веданта, одна из ключевых философских школ Индии, также утверждает, что в высшей реальности нет различий между «я», «ты» и «Он». В ней есть Личность Бога, но она рассматривается лишь как временный иллюзорный концепт, полезный на начальных этапах пути. Вместо Него в данной философской системе высшее состояние — это единая, Недвойственная Реальность, лишенная формы, имени и свойств. А все многообразие мира — лишь иллюзия. Путь в ней — это не диалог с Богом, а познание того, что «я всегда был един с Ним, просто забыл об этом».

К имперсоналистическим школам можно отнести и многие современные **эзотерические направления** — от нью-эйдж до разнообразных учений о «высших вибрациях», «энергиях Вселенной» или «космическом сознании». В них почти всегда отсутствует Личность Бога, а бытие представлено как некое безличное целое, без четких границ и различий.

Внутри авраамических религий также существуют мистические течения, которые по форме принадлежат к служению личностному Богу, но в своей крайней мистической стадии порой приближаются к пути растворения в Нем, когда индивидуальное «я» исчезает, а разли-

чие между Богом и душой теряет смысл. В одних случаях это остается любовным единением двух Личностей, в других же почти незаметно, но пересекает границу от личных отношений к безмолвному растворению.

Гармония с мирозданием.

Третий путь — это **стремление к глубокой гармонии с обустроенным и осмысленным миром**, в который человек призван вписаться через ритуал, структуру, поклонение, знание и следование правилам. При этом для данного пути не так важно, что или кто стоит за мирозданием, существует ли Личность Бога или нет, и потому он не ведет к личной встрече с Ним и не стремится выйти за пределы видимой реальности через растворение в безличном Абсолюте. Его цель — не спасение и не освобождение, а согласованное, уравновешенное, уважительное участие в самом мироздании. Этот путь объединяет множество традиций, внешне очень разных, но схожих в том, что человек учится жить в мире, как в живом, полном смысла пространстве.

Классическим примером такого подхода являются религии, в которых **поклоняются множественным богам (пантеизм)**, стихиям или духам природы (аниматизм), каждый из которых имеет свою волю, настроение и сферу влияния. Согласно этим верованиям с миром можно вступать в отношения: задобрить, угодить, поблагодарить, лишней раз не потревожить. Таковы были, например, древнегреческая, римская, египетская и скандинавские религии, а также верования славян, кельтов и многих коренных народов Африки, Америки, Сибири и Океании. В них почитаются духи рек и лесов, гор и животных, предков и стихий. А мир воспринимается как дом со множеством жильцов, с которыми следует жить в мире и взаимном уважении.

Другую форму этого пути представляют философские традиции, где религиозность заключается в правильном исполнении обязанностей. В **карма-мимамсе** (направление в индуизме), например, воля высших существ не играет решающей роли. Главное — точно и вовремя совершать предписанные действия. Мир здесь мыслится как устроенный по строгим, почти механическим законам, и человек, соблюдая их, поддерживает космический порядок. Похожий дух мы находим и в конфуцианстве: богословие здесь почти отсутствует, а высшей добродетелью считается соблюдение ритуала, долга и социальной меры.

В некоторых формах эзотерических учений и современных религиозных практик мы видим новую версию этого же пути. Здесь тоже почти нет образа Личности, и нет стремления к выходу за пределы мира. Но есть идея, что все сущее есть энергия, все взаимосвязано, все подчинено вибрациям и потокам. Поэтому необходимо просто войти в резонанс с этими силами, будь то природными, космическими или психическими. Человеку не предлагают молиться или покаяться, а советуют очиститься, раскрыть чакры, довериться интуиции и следовать «пути Вселенной».

Близким к этому является и философия **дао**. Дао — это не Бог, не Закон и не Абсолют. Это безмятежное течение жизни, которое нельзя «охватить сознанием», но можно ощутить. Даосский идеал — мягкое, текучее следование естеству. Здесь обычно нет молитвы, нет личного обращения, но есть тишина, наблюдение и внутреннее равновесие.

Неожиданным продолжением этого пути стало и **современное научное мировоззрение**. Здесь уже нет ни духов, ни духовной энергии, ни метафизики. Есть только Вселенная, устроенная по законам, и человек, как ее часть. Мир почитается через познание. Это тоже своего рода религиозный жест. Мир нельзя умиловать, но можно до какой-то степени постичь. И если жить в согласии с его устройством, то есть разумно, ответственно и без иллюзий, то это и становится своего рода формой «светской духовности». Во многом именно этим путем стремится идти современная цивилизация. Наука же стала главным жрецом данного пути.

Возвращаясь к религиям, поклоняющимся Единому Богу, можно отметить, что там также есть направления, которые по форме служат личностному Богу, но по сути ближе к пути согла-

сия с миром. И главной целью в этом случае уже становится не служение Богу и отношения с Ним, а благопристойная, праведная жизнь, пусть и в форме исполнения Божьего порядка.

Сила и разрушение.

Четвертая цель жизни связана с жадой «запредельного», будь то стремление к безграничной власти, нарушение запретов или столкновение с силами, которых обычно остерегаются. Здесь человек часто ищет силу, возникающую из соприкосновения с болью, страхом, смертью и разрушением.

Исторически такой вектор прослеживается, например, в идоложертвенных культах, где подразумевалось, что сила богов и духов возрастала от причиненной кому-то боли; в некоторых шаманских обрядах, где контакт с духами достигался через страдание, безумное состояние и смерть; в магических и алхимических системах, стремившихся подчинить себе силы природы; в сатанинских* и люциферианских* орденах, где власть над жизнью других, разрушение и доминирование становятся самоцелью.

Такие практики могут быть исторически значимыми, однако ведут в направлении, противоположном трем первым путям. Именно поэтому мы не будем разбирать их подробно. Нам достаточно знать об их существовании, чтобы распознавать и не подменять ими подлинные духовные поиски. Поэтому погружаться в их внутреннюю логику сейчас нет необходимости.

При этом важно понимать, что речь идет **не только о религиозных культах** или эзотерических практиках. Суть этого пути может проявляться и **в совершенно светской форме**. Например, в разные эпохи политические и военные элиты порой возводили в культ поклонения власть, насилие, страх и разрушение, рассматривая их как источник силы и инструмент преобразования мира. Иногда это сопровождалось мифологией и ритуалами, а иногда обходилось вовсе без религиозной оболочки, когда важна была сама суть, связанная, например, с укреплением собственной власти через подавление и господство: «разделяй и властвуй». Такой подход может принимать форму политической идеологии, государственной доктрины, экономической стратегии или даже культурного движения. Но во всех этих формах его можно определить по «обожествлению» или возведению в абсолют контроля и превосходства над другими.

** - запрещены на территории Российской Федерации*

?

Со взглядом на мир мы немного разобрались, но куда вы идете? Куда зовет ваше сердце? Чего ищет душа на самом деле? Забудьте на минуту, как «правильно» отвечать и чему вас учили. Что отзывается внутри? Ищете ли вы личностного Бога? Или вас больше тянет к глубокой тишине? А может, вам не нужно ни то, ни другое? Важнее всего — жить в ладу с миром, с людьми, с собственной совестью? Чувствовать себя на своем месте, исполнять свой долг, быть частью гармоничного целого? От того, какая «вершина» вас манит, зависит и выбор тропы, и то, что вы будете считать успехом или неудачей на своем пути.

Четыре пути

Итак, мы разобрали четыре вида целей, к которым могут осознанно или неосознанно двигаться люди, придерживающиеся различных мировоззрений. Но даже если два человека одинаково смотрят на мир и стремятся к одной и той же цели, это еще не означает, что их духовные пути будут похожи. Многое определяется тем, как именно человек идет. Что он делает каждый день? Чем он живет? И откуда берется внутренняя энергия, направляющая его?

Путь деятельной любви. Это путь, в котором духовная практика строится на личном отклике и сердечной вовлеченности. Человека ведет не столько долг или знание, сколько его личное отношение к Богу и людям. В центре этого метода — преданность духовным идеалам, внимание к другим и готовность чем-то пожертвовать ради них.

Формы деятельности могут быть разными. Где-то это внешне активное служение, где-то уединенная молитва или внутренняя жертва. Но во всех случаях ключевым остается настроение. Все совершается ради кого-то, из любви и преданности.

Путь созерцания. По нему человек продвигается через внутреннюю осознанность. Он ищет тишину. Стремится различать, распознавать и постигать. Это может быть путь философа, медитирующего монаха, пустынника или йога. Здесь главное не сами поступки, а внутренняя чистота, трезвость суждений, устойчивость, ясность ума и мотивов.

Созерцательный путь особенно выражен в тех традициях, где духовная зрелость понимается как пробуждение от иллюзии или очищение восприятия: в буддизме, адвайта-веданте, некоторых школах суфизма и исихазма. Но элементы этого пути присутствуют везде, где человеку дается время на размышление и безмолвие, и где признается, что настоящее постижение не приходит через суету и бурную деятельность.

Путь долга. На нем мир воспринимается как пространство ответственности. Духовная жизнь выражается прежде всего в поступках: в молитвах по расписанию, соблюдении заповедей, заботе о ближнем, послушании, подвижничестве. В этом случае даже если человек чего-то не понимает, он может очищаться, меняться и совершенствоваться через упорядоченность жизни и безвозмездную помощь другим.

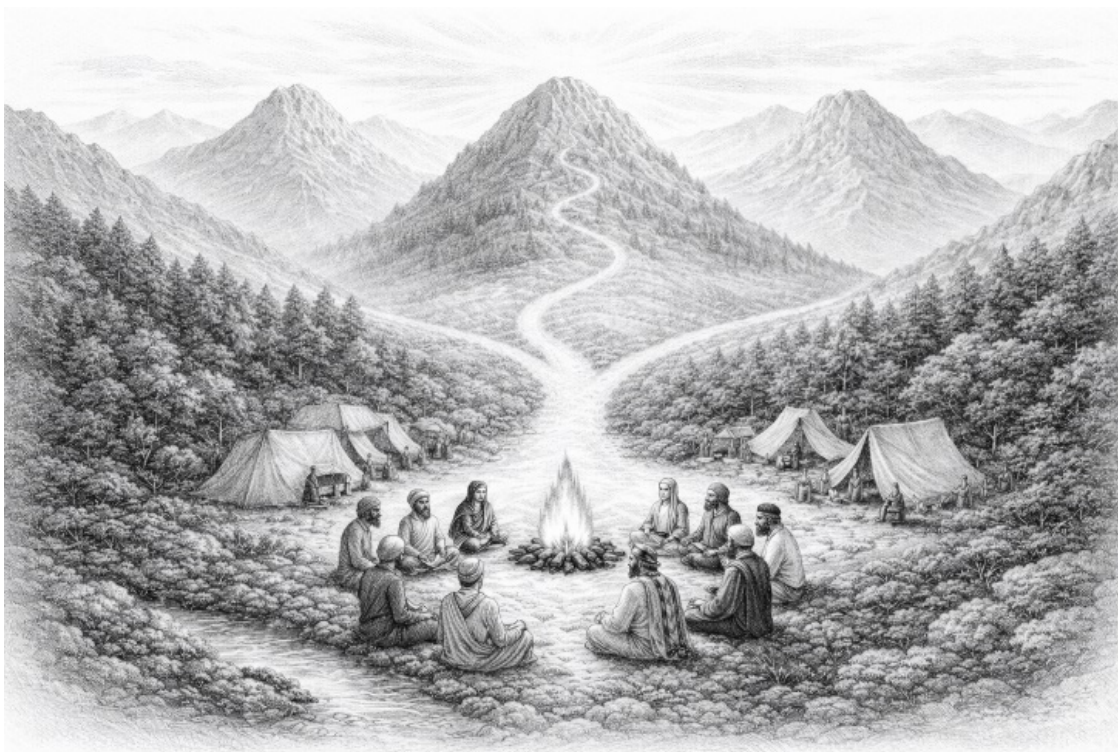
Во всех этих случаях духовность воспринимается, прежде всего, как практика. Неважно, чувствуешь ты Бога и понимаешь ли глубинную суть учения, важно, чтобы ты не нарушал установленный в нем порядок, не предавал завет и не поступал недостойно.

Путь боли. Здесь человек приближается к своей цели путем преступления через край — сознательного нарушения табу или соприкосновение с болью, ненавистью, страхом и разрушением. Этот путь встречается в практиках, где поиск связи с «иной реальностью» идет через шоковые состояния и моральные потрясения, а сила обретается через столкновения с пределами человеческого опыта.

Иногда этот путь может встречаться и у тех, кто стремится к возвышенным целям, но идет через Тьму как испытание. Например, у средневековых христианских флагеллянтов было самобичевание в покаянии за грехи мира.

Вопрос для размышления

Допустим, вы определились со взглядом на мир и целью пути. Но как вы туда идете? Действуете ли вы из любви? Из желания порадовать кого-то (Бога, людей), из сердечного отклика, из готовности идти на жертву? Или для вас важнее понять, разобраться, увидеть суть, достичь ясности ума и внутренней тишины через размышление или безличную медитацию? А может, вы человек долга? Просто делаете то, что считаете правильным, даже если не чувствуете вдохновения, соблюдаете правила, держите слово, выполняете возложенные обязанности?

Общий духовный базис

Теперь, сказав о явных различиях между традициями, важно отметить и то, что все их объединяет. Здесь, конечно же, мы поговорим только о зрелых традициях, чей путь восходит к Свету, а не устремляется к подчинению, боли и разрушению.

Почти все зрелые религиозные традиции исходят из одного убеждения: **существует Высшая Реальность**, будь то Бог, Абсолют, Брахман, Пустота, Дао, Природа или что-то еще, превосходящая материальный мир и его поверхностное восприятие.

И при всем различии целей почти все традиции сходятся в том, что этот мир не является окончательной точкой назначения в его поверхностном, обывательском восприятии. Разница лишь в том, что для одних мир подлежит преобразению, для других — оставлению как месту временного пребывания, а для третьих — глубинному познанию и принятию как проявления высшего порядка, в котором уже заключен весь смысл бытия.

При этом в каждом из этих случаев признается, что существует нечто более высокое, чем накопление богатств, чувственные удовольствия или бытовое благополучие. Истинное благо — не столько в том, чтобы просто удобно устроиться, сколько в том, чтобы **пробудиться к Истине**, выйти за пределы «эго» и жить в соответствии с Высшим Замыслом.

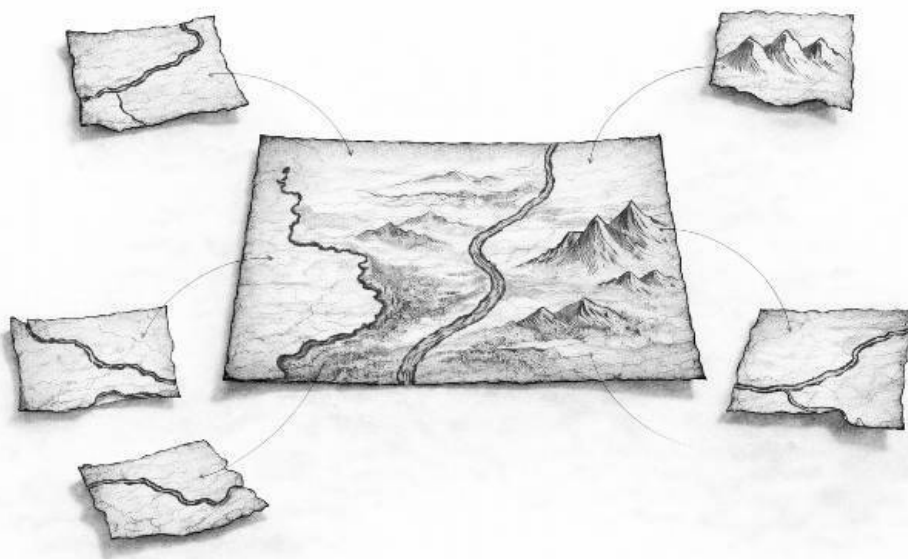
Потому все эти пути, каждый по-своему, утверждают, что человек не является только телом, желаниями и умом. В нем есть нечто большее: душа, атман, дух, сознание или часть высшего порядка. Во всех зрелых традициях подчеркивается, что это внутреннее начало человека не чуждо Божественному: оно роднится с тем самым Источником, от которого происходит. Именно поэтому человек способен не только стремиться к Высшему, но и узнавать Его в себе самом.

Так или иначе, все пути также признают, что **корень страданий лежит внутри самого человека**. Жадность, гордыня, вожделение, страх и ложное понимание своего «я» — именно они затмевают видение Истины. Поэтому, чтобы выйти за пределы страданий, следует очистить сердце, будь то через молитву, служение Богу, медитацию, добрые дела, отречение или глубокое внимание к миропорядку и законам жизни.

Это требует глубокой внутренней работы — приложения усилий, дисциплины, честности и верности выбранной цели — во всех традициях.

И, наконец, все эти традиции утверждают, что **человеческая жизнь — это уникальный шанс**. Именно в ней душа наделена возможностью делать выбор, способна устремляться к Высшему, отказавшись от низшего, и задуматься о вечном. И это не просто возможность для человека — это его ответственность.

Таким образом, мы можем расходиться в том, как представляем себе Бога или Абсолют, каким видим путь к Нему и что считаем конечной целью. Но согласитесь, что все эти расхождения разворачиваются уже поверх более глубокой почвы, на которой мы все вместе стоим. Эта почва — признание Высшей Реальности, духовной природы человека, внутреннего источника страданий и необходимости пути, который ведет за пределы эгоцентризма и неведения. Именно эта общая основа делает возможной не только взаимную терпимость и уважение, но и совместную жизнь в едином культурном сообществе, построенном на принципах, которые возвышают человечество, а не ведут к пропасти. Ведь если мы согласны хотя бы в том, что человек больше, чем его желания, что добро выше выгоды, что жизнь имеет духовный смысл и требует внутреннего роста, то такое общество способно держаться не на жадности, страхе и тотальном контроле, свойственным современному социуму, а на общем признании высших ценностей.

Личные мистические откровения и их пределы

На этом этапе может возникнуть закономерный вопрос: а как быть с теми системами, которые не принадлежат ни к одной из описанных здесь традиций, но тоже претендуют на знание высшей реальности? Например, с теми, что возникли из личных мистических откровений, с различными эзотерическими школами, современными гностическими движениями или философскими системами, пытающимися постичь Абсолют через собственный разум.

Их существование заслуживает уважения, поскольку такие люди часто обладают глубокой интуицией и открывают важные стороны бытия. Но важно понимать, что все подобные

системы построены на опыте одного или нескольких человек. Это делает их **ценными как личные свидетельства, но ограниченными как универсальные ориентиры**. Даже если их авторы искренни, индивидуальный опыт, каким бы возвышенным он ни казался, по своей природе субъективен и фрагментарен. Никто из нас не может быть до конца уверен, что воспринимаемая им картина мира — это именно «последний этаж» реальности, а не один из ее многочисленных уровней.

Это утверждение может показаться голословным, однако история духовной мысли показывает, что даже великие мистики нередко описывали разные уровни бытия как окончательные, но при этом их описания сильно расходились между собой. Это не делает их ложными, а лишь указывает на пределы человеческого восприятия.

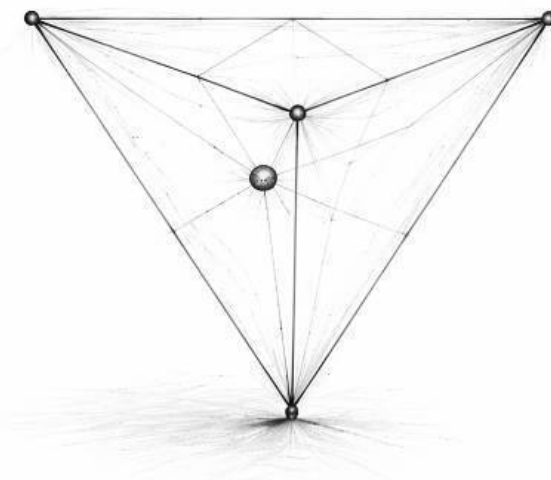
И тогда у нас остается только два варианта. Можно признать какого-то одного из таких людей мессией, то есть единственным, кто видел всю Истину. Но это само по себе крайне сильное заявление, требующее от личности сверхчеловеческой чистоты. И тогда возникает вопрос: действительно ли он соответствует этой роли не только по дару видения, но и по силе внутреннего преобразования, святости и бескорыстия, которые всегда сопровождали тех, кого традиции считали подлинными посланниками?

Либо же нам необходимо допустить, что он увидел лишь часть реальности и выразил ее так, как смог.

И если принять второй вариант, то становится очевидным, что разные люди могут описывать разные пласты мироздания, и их видение будет отличаться. И вовсе не потому, что один прав, а другой нет, а потому что каждый из них смотрит со своей высоты и через собственные «линзы» восприятия. Именно поэтому личные мистические картины мира так разнообразны и подчас противоречивы.

Потому в процессе поиска Истины мы будем склонны опираться не на них, а на то, что подтверждено опытом множества святых и мудрецов, живших в разных культурах и эпохах, но описывающих одно и то же ядро духовной реальности. Их свидетельства складываются в согласованный образ, а не в частную интерпретацию. Этот образ тем надежнее, чем шире его подтверждение. Ведь когда тысячи людей, отделенные друг от друга временем, языком и культурой, описывают сходное переживание Божественного, это говорит не о совпадении частных взглядов, а о прикосновении к объективной реальности. Личные озарения могут быть бесценным дополнением к этой картине, но заменять ими всю карту реальности рискованно. Именно поэтому в данной книге мы сосредоточимся прежде всего на устоявшихся традициях и их проверенном опыте, а не на видениях и откровениях отдельных личностей.

При этом можно заметить, что мы не игнорируем различные мистические системы, философские прозрения и личные откровения, хотя и не будем говорить о них напрямую, поскольку какими бы разными они ни казались на поверхности, в конечном счете, все они, так или иначе, тяготеют к тем же самым четырем взглядам на мир, целям жизни и методам ее достижения, о которых мы говорили выше. Именно потому, что те представляют собой базовые способы человеческого духа относиться к Божественной реальности, все частные системы, от древних мистерий до современных философий, в конечном счете тяготеют к одной или нескольким из них, как к архетипам, из которых состоит вся духовная палитра человечества.

Итоговая схема всех мировоззрений

Таким образом, даже если формы выражения и пути постижения Истины различаются, их внутренние импульсы оказываются удивительно созвучны и укладываются в общую картину человеческой духовности.

Теперь, опираясь на это понимание, можно сделать следующий шаг — собрать все сказанное в более наглядную структуру. Для этого достаточно удерживать в памяти три главные координаты, по которым различаются все духовные традиции и остальные мировоззрения:

Первая координата — это картина мира. Без этого исходного параметра невозможно даже задать сам духовный путь, ведь именно данный параметр определяет, что считать реальностью, в чем заключается проблема и где искать ее решение.

Второй ориентир — высшая цель. Ведь даже те, кто одинаково смотрят на мир, могут стремиться к разным его вершинам. Если упустить этот ориентир, станет неясно, ради чего вообще прилагаются усилия и куда ведет та или иная тропа.

Третий ориентир — способ достижения цели. Он отвечает на вопрос: чем я живу каждый день? Без этого параметра мы не сможем понять, чем на практике живут люди, которые даже при схожем мировоззрении и цели избрали разные методы.

Если убрать хотя бы одну из этих координат, появится слепая зона. Так эти три ориентира образуют минимальный, но достаточный **«трехмерный адрес» любой духовной традиции: текущая сцена, ее финал и путь между ними.**

Ниже вас ждет немного сложное описание, которое нелегко ухватить с первого прочтения. Я даже думал перенести его в другую главу, дабы оно не смущало читателей в самом начале книги. И все же решил оставить данное описание здесь, поскольку его понимание в итоге позволяет собрать видение всех мировоззрений в довольно простую и наглядную схему. Если же вы в какой-то момент «потеряетесь» в логике повествования – не переживайте, это временно, дальше книга вернется к более доступному изложению.

Таким образом, за счет «трехмерного адреса» все религиозные и философские течения можно представить в виде сводной таблицы из 64 ячеек (4 отношения к миру, умноженные

на 4 цели жизни, умноженные на 4 пути). Выходит довольно объемно. Как же во всем этом не потеряться?

Дело в том, что за всем этим разнообразием можно разглядеть несколько основополагающих «цветов», из которых складывается все богатство «палитры» духовного опыта. И потому в разных ячейках нашей объемной таблицы находятся одни и те же аспекты. Так, например, одно и то же стремление «освободиться от страданий» проявляется сразу на трех уровнях: как цель (освобождение или растворение), как взгляд на мир (временная оболочка, из которой необходимо выйти), и как путь (созерцание, отречение, внутренняя тишина). Подобные пересечения встречаются и у других духовных устремлений.

Это означает, что в основе лежит не просто таблица из 64 ячеек, а скрытый кристалл — структура из четырех глубинных тонов, которые пронизывают все разнообразие религиозного опыта. Эти тона можно условно назвать так: «противостояние», «гармония», «безмятежность» и «любовь». Из них, как из первоцветов, складываются все известные пути — и самые светлые, и самые мрачные.

Поверните этот кристалл одной гранью — и перед вами **четыре отношения к миру:**

Противостояние — мир как арена борьбы и ограничений; источник силы через вызов порядку или нарушение запретов;

Гармония — мир воспринимается как среда взаимных связей, где человек ищет согласие с тем, как всё устроено;

Безмятежность — мир осмысливается как временная оболочка, от которой следует отрешиться, чтобы вернуться в изначальный покой;

Любовь — мир раскрывается как проявление воли Личности Бога, которому можно служить, вступать в доверительные отношения, преображая всё вокруг.

Поверните другой гранью — и это уже **четыре цели:**

Противостояние — преодоление границ и самоутверждение через вызов, испытание или разрушение установленного порядка;

Гармония — стремление к упорядоченному и справедливому миру, к внутреннему и внешнему равновесию;

Безмятежность — устремление к освобождению от страстей и форм, к растворению индивидуальности в Источнике бытия;

Любовь — желание личной встречи с Богом, доверия, душевной теплоты, понимания, взаимности и милости.

Наклоните еще — и перед вами **четыре метода** достижения цели:

Противостояние — путь сопротивления через экстремальные практики, нарушение табу, боль, шоковые состояния и выход за пределы устоев;

Гармония — путь служения миру, долга, этики и моральных принципов, преобразования через справедливость и честный труд;

Безмятежность — путь молчания, созерцания, отрешения и внутреннего покоя;

Любовь — путь молитвы, преданности, милосердия, заботы и личного отклика на присутствие Бога.

Таким образом, наша таблица предстает всего лишь разными срезами этой четверки: «противостояние, гармония, безмятежность и любовь», а всё разнообразие традиций рождается из того, какой из этих четырех «цветов» они делают основным и как смешивают три остальных, в каких пропорциях.

Визуально это можно представить как прозрачный **тетраэдр** (пирамиду с треугольным основанием), где противостояние, гармония, безмятежность и любовь — его вершины, а любая религия находится где-то внутри этого тетраэдра.

Иным образом это можно представить в виде **палитры художника**, состоящей из четырех цветов — противостояния, гармонии, безмятежности и любви, где каждая религия выступает как результат их смешения в разных пропорциях.

Такая модель дает более полное понимание традиций, и полезна при глубоком сравнении мировоззренческих систем, при межрелигиозном диалоге или богословском анализе.

Правда, в повседневной жизни для широкого круга людей эту модель практичнее будет упростить до наглядных схем, хотя при этом мы, конечно, потеряем много нюансов. Для этого каждой религии можно присвоить условное обозначение по доминанте тона (любовь, безмятежность, гармония и противостояние), на каждой из трех осей.

Так, идеалу пути Любви, где мир видится как дар Бога, цель — близость с Ним, а метод — служение из любви, в своей зрелой форме соответствуют христианство, вайшнавизм, ряд направлений иудаизма и ислам.

Идеал Безмятежности, где мир — временная оболочка, цель — освобождение, а метод — созерцание, наиболее ярко воплощен в тхеравада-буддизме, адвайта-веданте и философии даосизма. Многие школы махаяны и дзэн сочетают стремление к Безмятежности с элементами Любви.

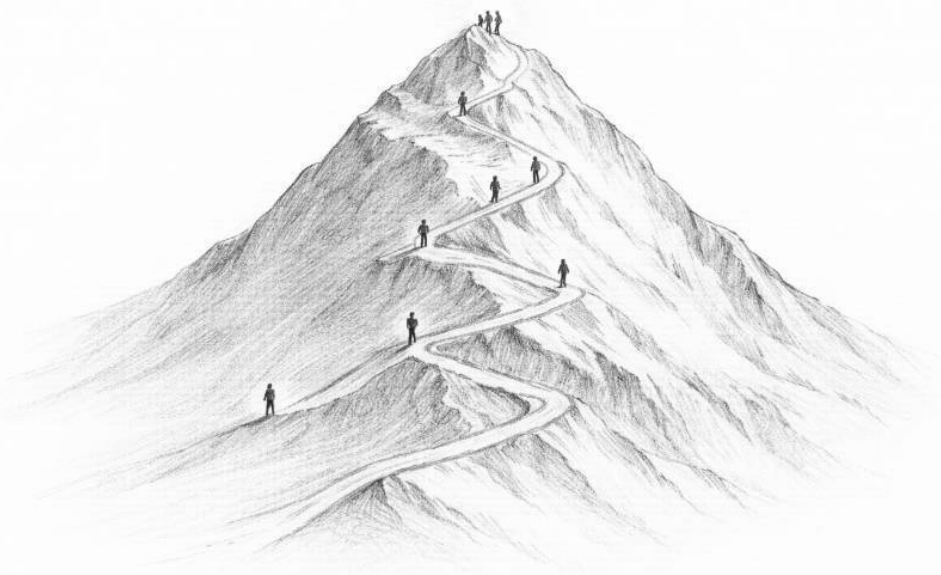
Идеал Гармонии, где мир — упорядоченный космос, цель — жить в ладу с ним, а метод — исполнение долга и ритуала, ближе всего к некоторым направлениям конфуцианства.

Путь же Противостояния можно отнести к крайним и мрачным формам религиозности.

Вопрос для размышления

Попробуйте кратко сформулировать свой «трехмерный адрес»: 1) как я вижу мир; 2) к какой вершине стремлюсь; 3) чем живу ежедневно.

Какие из этих трех ориентиров у вас однозначно определены, а в каких вы сомневаетесь или не можете разобраться?

Варианты оттенков внутри каждой традиции.

Однако даже если сама религия во всех сферах жизни провозглашает любовь как идеал, далеко не все ее последователи живут на высоте этого идеала. Можно видеть, что любой из путей абсолютно по-разному воспринимается теми, кто причисляет себя к нему. Святые, монахи, пастыри и миряне — все они часто по-разному, в зависимости от глубины собственного духовного зрения, смотрят на традицию, с которой себя отождествляют.

На примере православного христианства

Возьмем, к примеру, христианство. Это безусловно путь к личностному Богу. Все Евангелие пронизано призывом к любви, доверию и диалогу с Ним. Но один и тот же текст может быть услышан по-разному. Один христианин будет читать о Боге как о живом Отце, с Которым он хочет быть вместе, Которому молится, Которого любит и ищет как всеобъемлющую суть всего. Будет видеть в заповедях способ выразить Ему свою верность, и его вера будет жадной отношений с Ним.

Другой — сосредоточится на спасении. Бог при этом никуда не исчезнет из его сознания, но окажется на втором плане. Главным же станет — не быть осужденным, пройти Суд и избежать вечной гибели. И вся его практика тогда превращается в систему безопасности и «торговли с Богом»: обряды, заповеди, покаяния, «правильная» молитва... Это уже не столько любовь, сколько страх перед Ним. А Бог уже не столько любящий Отец, сколько далекий Спаситель и Судья. И все внимание человека оказывается сосредоточенным на своих опасениях: «Спасен ли я? Прощен? Достаточно ли каялся и молился?»

А третий может и вовсе поставить целью не собственное спасение и не Бога, а правильную, праведную, спокойную жизнь. Для него Бог — это, безусловно, важный, но не центральный ориентир. И практика в таком случае становится в первую очередь моральным кодексом и культурной традицией. Такие люди могут быть искренне благочестивы, но даже не пытаются выходить на настоящий внутренний диалог со Всевышним. Их вера будет не побуждать тянуться к Нему, а стремиться именно к гармонии с миром здесь и сейчас.

У тех же, кто был крещен по семейной традиции, но не ведет живой духовной жизни, может сложиться еще более обывательское восприятие веры. Такой человек может по-своему ценить церковные праздники, храмовые службы, обряды, но не заглядывать в глубину молитвы. Его цель жизни туманна, пусть и связана с надеждой на Божью помощь, а религиозность сводится к уважительной умеренности: «Главное — жить честно и не отвергать Бога, пусть он и будет где-то на самой периферии моей жизни».

Так, например, в основе православной веры лежит свет Любви: мир видится как открытие любви Бога, цель — полное единение с Ним, а метод — пробуждение любви в себе как ответ на Его любовь. Это выражено в трудах святых отцов, таких как Серафим Саровский и Сергей Радонежский, и в самой литургической жизни церкви.

Но духовный путь не всегда начинается с этой ясности. Хотя каждый христианин призван к любви как к цели, методу и смыслу всего бытия, его сознание далеко не сразу способно воспринять и удержать эту вершину. В теории он знает, что цель заключается в единении с Богом в любви. Но на практике его духовное зрение может быть еще недостаточно зрелым, чтобы постоянно пребывать в ее свете.

Подобным образом и пастыри, когда обращаются к обычным прихожанам, говорят чаще не о глубинах боговосприятия, а о простых жизненных принципах: «живи по заповедям», «не бери чужого, не блуди, не ропщи на Бога», «будь смиренным, не осуждай». Эти слова могут исходить из глубин Любви. Но в восприятии людей мирского склада они нередко звучат иначе — как призыв к стойкости перед соблазнами, послушанию или терпению. В этом случае акцент видения сути духовной практики может смещаться к сочетанию Гармонии и Безмятежности. Мир в этом случае воспринимается как упорядоченное, но несовершенное пространство, цель жизни — как спокойствие духа (Безмятежность) и покорность судьбе (Гармония), а метод — как верность традиции (Гармония) и сохранение внутреннего покоя (Безмятежность).

Такую постепенность духовного восхождения, где любовь является вершиной, выразительно описывает, например, преподобный Иоанн Лествичник. В его «Лествице» путь начи-

нается со страха и покаяния, а завершается любовью как последней, сороковой, ступенью восхождения души.

Я понимаю, что уловить все нюансы данного вопроса может быть не очень легко, поэтому в таблице ниже вы можете найти более наглядные примеры того, как на практике выглядят различные взгляды на христианство среди его последователей, когда фокус метода, цели и отношения к миру смещается с Любви в сторону Гармонии или Безмятежности:

Что сдвинулось

Как это выглядит в жизни

Плюсы

Риски/искажения

Евхаристическая жизнь, личная молитва, дела милосердия как ответ на любовь Бога
Живая встреча с Богом, целостность восприятия мира, умиротворение

—

Метод → безмятежность

Созерцательная молитва (например, Иисусова молитва) как центр духовной жизни, минимум активной деятельности

Глубина сердца, внимание и внутренняя ясность

Уход от общества, замыкание на себе

Метод → гармония

Главное — строгое следование запретам и предписаниям, исповедь как «отчет»

Устойчивость, дисциплина, преемственность

Следование букве, а не духу Закона, страх перед Богом, формальное исполнение обрядов

Цель → безмятежность

«Главное — мир в душе», избегание людей и ответственности перед обществом

Чистота мыслей и чувств, покой

Бегство от мира, «самоспасение», закрытость

Цель → гармония

«Христианская цивилизация»: установленный догматами порядок, внешняя праведность и предписания важнее отношений с Богом

Социальная ответственность, общественные проекты

Сведение веры к социальным идеям, круговая порука, идеологизация

Мир → гармония

Мир как порядок и иерархия; вера тесно связана с культурой и нацией

Память и преемственность поколений, традиции, упорядоченность, устойчивость форм

Отождествление веры с национальной идентичностью, политизация

Мир → гармония,

Цель → безмятежность

Уютный порядок отношений, «любить значит не мешать»

Семейная теплота, мягкая доброжелательность

Поверхностное покаяние, «бытовая вера» обывателей

Мир → гармония,
Цель → гармония
Верить – значит помогать, волонтерство
Деятельность в рамках милосердия, свидетельство
Выгорание, сведение сути учения к бытовому гуманизму

Мир → гармония,
Цель → безмятежность,
Метод → гармония
«Мне бы тишины, и чтобы никто не трогал», пунктуальное соблюдение правил
Миролюбие, неконфликтность
Конформизм, духовная слепота, непротивление злу

Мир → гармония,
Цель → безмятежность,
Метод → безмятежность
Порядок и молитвенная сосредоточенность, спокойное присутствие в храме
Внутренний покой, уважение к форме
Замыкание, отрыв от служения людям и активной любви

Мир → гармония
Цель → гармония,
Метод → гармония
«Быть приличным и благообразным»: семья, традиции, храм как культурный центр
Стабильность, добропорядочность
Вера без желания личной встречи с Богом, в «автоматический результат обрядовой деятельности»

На примере ислама

Аналогично это можно проследить и в исламской традиции. Хотя ее зрелый идеал — это путь Любви к Аллаху, покорность Ему из трепета и упования, на практике у многих людей вера может сводиться к внешнему исполнению предписаний, следованию традиции и уважению к шариату как норме жизни, без глубокого личного отклика. В таких случаях религиозность приобретает оттенок Гармонии и порядка: цель — жить в согласии с установленным укладом, мир — упорядоченное пространство дозволенного и запретного, а метод — соблюдение традиций. В других случаях акцент может смещаться к строгости, дисциплине и страху перед наказанием.

Тем не менее, в исламе, как и в христианстве, у этого пути есть все основания для развития. Особенно ясно ступени восхождения описаны в суфийской традиции. Многие суфии утверждают, что исламский путь имеет четыре ступени: шариат (внешнее соблюдение законов ислама), тарикат (внутренний путь очищения), хакикат (постижение божественной истины) и маарифат (непосредственное познание Аллаха сердцем). В их понимании для простых людей достаточно первого уровня — это как раз пространство Гармонии, возможно, с оттенком Безмятежности (соблюдение правил ради внутреннего спокойствия). Но истинный верующий поднимается выше: сначала очищает свои намерения и чувства (сочетая Любовь с Безмятежностью и Гармонией), затем достигает покоя и устойчивости в Боге (соединяя Любовь с Безмятежностью), и затем в нем раскрывается настоящая Любовь. Такой человек живет уже полностью в духе Любви, как, например, Имам Али, Абу Хамид аль-Газали или Джалаладдин Руми.

На примере буддизма

Чтобы увидеть глубину и неповторимость каждого духовного пути, важно не забыть, что не все традиции стремятся к одной и той же вершине. То, что в одной считается высшей целью, в другой может восприниматься как ее начало или даже препятствие. А то, что в одной выглядит как неполнота понимания, в другой может быть самой ее сутью.

И христианство, и ислам, например, смотрят не только с уважением, но и с некоей осторожностью, на пути, в которых высшей целью становится Безмятежность, тишина и полное растворение всяких различий. Если в этом усматривается стремление к очищению сердца и освобождению от «эго», это может восприниматься как искренний поиск. Но если за покоем не стоит Личностный Источник, такой путь представляется ими неполным.

Буддийская же традиция, особенно в своей классической форме тхеравады, наоборот, выстраивает свой путь вокруг идеала Безмятежности: мир воспринимается как источник страдания и непостоянства (взгляд Безмятежности), цель жизни — достижение полного освобождения в нирване (цель Безмятежности), а метод — очищение ума через созерцание, отречение и медитацию (метод Безмятежности). Путь Любви, с его акцентом на личностную устремленность к Богу, воспринимается ей как все еще обусловленный и исполненный мирских привязанностей и иллюзорной двойственности.

Но и в буддийской традиции ученики находятся на разных ступенях осознания. Кто-то делает первые шаги, желая прежде всего уменьшить страдания и обрести устойчивость в повседневной практике. Их внутреннее устремление может соответствовать сочетанию Гармонии и Безмятежности, где еще сохраняется опора на гармонию и внутренний порядок. Другие же стремятся не к полному освобождению (нирване), а к улучшению своей кармы, и тогда их путь чаще всего ведет к более спокойному и благоприятному перерождению.

Иногда и сама Любовь (в форме сострадания, например) используется ими лишь как способ умиротворения ума или как временный этап очищения от «эго». В этом случае человек может внешне действовать в духе Любви, соединенной с Безмятежностью, но его конечной целью остается чистая Безмятежность — безмолвие, растворение различий и свобода от желаний. И только зрелый практик буддизма по-настоящему следует вектору Безмятежности как целостному пути.

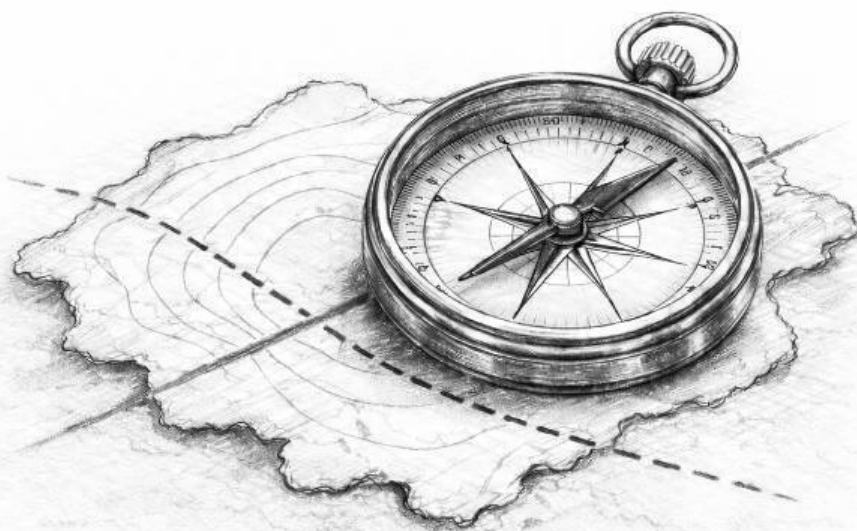
?

*

Замечали ли вы, что в вашей традиции люди находятся на разных уровнях восприятия? Попробуйте назвать три различных «цвета веры» в вашем окружении: куда устремлены взгляды старцев, чему учат священнослужители и как живут обычные миряне.

*

Каким основным «цветом» — Безмятежность, Гармония или Любовь — вы бы окрасили идеал своей веры? Какая личность является для вас ориентиром в этом идеале? Каким кодом, из предложенных в таблице, в основном живут люди вокруг вас? Каким кодом живете вы?

Наш личный путь. Пойдем ли мы вместе?

Когда мы говорим о чем-то духовном пути, то чаще всего сравниваем какие-то внешние ориентиры: кто как молится, во что одет и какие обряды совершает. Или начинаем сопоставлять доктрины: во что именно верит та или иная религия, и какие идеи лежат в ее основе.

Такие сравнения уместны. Они помогают понять, чем отличаются религиозные традиции, как устроено их богословие, как складывались их формы. Но, как мы увидели выше, они не всегда отражают истинную реальность человека, который идет по любому из этих путей. Потому что **путь одной и той же религии может быть прожит совершенно по-разному.**

Один человек — мусульманин, другой — христианин, третий — вайшнав. Но все трое живут так, будто Бог — Личность, которая слышит, отвечает и ждет. Они молятся, стараются служить, преодолевая свои греховные привязанности. У каждого — свои писания, свои обряды, своя история. При этом все трое идут одним путем — они идут к Богу, как к Тому, кого можно любить и кому можно себя вручить.

А, например, другой человек, может принадлежать к той же религии, что и кто-то из них, но мыслить совершенно иначе. Он больше озабочен тем, как правильно себя вести, что дозволено, а что нет, как не нарушить установленные правила. Бог для него где-то рядом, но не в центре. Он соблюдает закон, но не стремится к живой близости с Ним и людьми. Его путь другой. Может быть, это путь Гармонии, стабильности, порядка. Может быть, путь Безмятежности и ухода от страстей. Но это не путь Любви.

Поэтому я бы предложил сделать акцент на другом сравнении и сравнивать не столько одну религию с другой и себя с верующими иных религий, сколько себя со своими устремлениями: то, как я живу сейчас, с тем, кем я хочу быть.

Но прежде, чем перейти к личному разговору, стоит на минуту оглянуться назад и понять, зачем мы проделали весь этот путь. Мы говорили о традициях, их истоках, целях и методах не ради академического интереса или классификации ради самой классификации. Мы делали это, чтобы увидеть, что за всем этим разнообразием стоит удивительно стройная и целостная структура.

И потому, на мой взгляд, будет гораздо удобнее в рамках данной структуры рассматривать то, каким по сути путем иду я, вне зависимости от моей религиозной традиции. Именно поэтому важно не только знать эти пути, но и задать себе главные вопросы: «А где на этой карте мировоззрения нахожусь я? К какой вершине стремится мое сердце? Какой дорогой я иду, и ведет ли она туда, куда я на самом деле хочу прийти? Если я выбираю путь Любви — что это значит для моего образа жизни? Если Безмятежности — готов ли я к ее дисциплине и отрешению? Если Гармонии, то как я воплощаю ее каждый день своей жизни?»

Понимание этих путей необходимо, чтобы суметь сделать свой собственный духовный выбор более осознанным. Не на уровне названий и традиций, а внутреннего устремления — на уровне тех четырех «цветов», которыми я могу ответить на зов Высшего.

Все, что мы нарисовали до этого момента, — это карта. Она позволит нам легче ориентироваться в религиозном пространстве. А **теперь настало время достать компас** и определить, в каком направлении идти каждому из нас, лично.

Для этого важно честно заглянуть вглубь себя и спросить: «Кто я — тот, кто старается любить, тот, кто ищет полноты и спасения, или тот, кто хочет жить праведной жизнью?» И это не все. Вот еще один, даже более важный, вопрос: «Кем я хочу стать к моменту, когда моя жизнь в этом теле подойдет к концу?»

Сотни и тысячи лет между представителями разных духовных школ велись жаркие споры. Было написано бесчисленное множество книг, трактатов, писем и статей, в которых каждый пытался показать, почему именно его путь истинен, а иные — искаженные или неполные.

Особенно ярко это видно в спорах между сторонниками личностного и безличного понимания Бога. Персоналисты обвиняли имперсоналистов в холодной отчужденности и отрицании красоты отношений. А имперсоналисты считали персоналистов наивными детьми: мол, образ Бога как Личности — это всего лишь проекция и удобная опора, но не конечная Истина. И так до бесконечности: каждая сторона доказывала, что другая не поняла самого главного.

Я не собираюсь взваливать на вас груз всех этих сотен и тысяч аргументов. Не потому, что это неважно. Нет, в этих спорах действительно отражались не только разногласия, но и искренние попытки прикоснуться к чему-то по-настоящему бесконечно ценному. Просто невозможно передать это все в одной работе. А главное, это отнюдь не гарантирует, что все мы придем к единому окончательному выводу. Что в принципе и не является целью данной книги. Ведь в каждой из категорий мировоззрений, о которых мы говорили, история знала и знает имена тех, чья жизнь стала живым свидетельством глубокого духовного преображения. Суфийские ашики и дервиши ислама, христианские святые и старцы, раввины и праведники иудаизма, вайшнавские и шиваитские ачарьи, буддийские монахи, учителя дзэн и даосские мудрецы. Их пути различны, но при этом все они действительно святые люди.

Мы можем объяснять этот удивительный факт по-разному, но отрицать его не в силах. За всем этим многообразием традиций стоит некий общий закон духовного восхождения. Одни называют его плодом благой кармы или следованием дхарме, другие видят в этом проявление внутреннего нравственного закона или пробуждение глубинной природы сознания, присущей человеку с рождения. А третьи — промысел Бога, который ведет к Себе тех, кто ищет Его с чистым сердцем.

Но вот что самое удивительное: **даже став святыми, эти люди не поменяли своих взглядов.** И не переписали свою веру. Те, кто любил Личность, не стали вдруг утверждать, что Бог — это только Свет. А те, кто искали Тишину, не стали жаждать Ее объятий. Так зачем же мне сейчас пытаться убедить вас в том, что одно является полностью истинным, а другое — ложным или неполным?

Я не мессия, не пророк и не судья, чтобы объявлять, какой путь лучше. Я не стану выносить вердикт Истины. Я уже достаточно понимаю, и в то же время слишком многого еще не

осознал, чтобы попытаться взять на себя данную роль. **Раз Истина существует, то судить надлежит Ей, а не мне.**

Но я точно знаю одно. Я знаю, кто я. Я — тот, кто большую часть жизни просто хотел как можно больше наслаждаться и как можно меньше страдать. И до сих пор я, в основном, именно таков...

А еще я знаю, кем хочу стать.

Я пытался просто быть как все, быть хорошим человеком и выполнять свой долг. Пусть многие считают это достаточным, но я чувствую, что мне этого мало. Что я хочу чего-то большего. Не потому, что я лучше других, а потому что не могу иначе.

Я ищу Идеал. И когда заглядываю вглубь себя, не могу там внутри принять, что Он в конечном счете безличен, и что весь смысл этого мира сводится к потере индивидуальности и просто растворению своей личности в чем-то большем. Мне не достаточно безмолвного Абсолюта. Я ищу Того, с Кем можно быть вместе.

Я не считаю других заблуждающимися или стоящими ниже. Слишком много светлых личностей среди тех, кто идет другими путями или тем же путем, что и я, но иначе. И многие из них гораздо чище, чем я. Поэтому не берусь судить, куда их приведет их дорога. Я просто знаю, куда хочу идти сам.

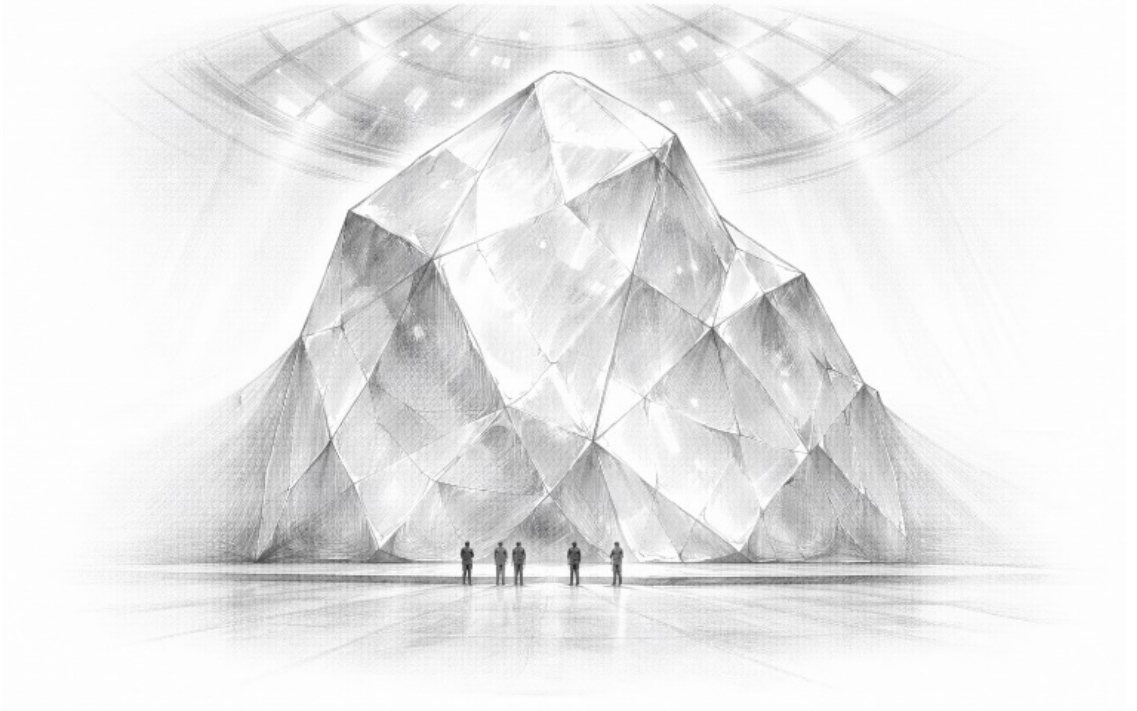
Я готов идти, много лет уже иду, и продолжу идти по своему духовному пути. Но я не хочу просто исповедовать какую бы то ни было религию. Я хочу любви к Богу. Не на словах. Не формально. По-настоящему.

Пусть это нелегко, и путь потребует времени и большой внутренней работы. Но все мое естество говорит мне, что именно в этом сокрыто нечто настоящее. И если у этого мира есть Лицо, я хочу Его найти. Если у моей жизни есть цель, я хочу ее прожить.

Возможно, ты, уважаемый читатель, идешь другим путем. Если твой путь — это путь Безмятежности, тишины, растворения или Гармонии с великим миропорядком — знай, я уважаю и его. И вместе с тем я понимаю: наши вершины восхождения различны. Мы не будем притворяться, будто это одно и то же: **на последних подъемах наши тропы расходятся. Но до этой развилки у нас есть общая дорога и общий «базовый лагерь»:** честность сердца, очищение от эгоизма, дисциплина, милосердие, верность слову, уважение к жизни и другому человеку. На этом основании мы можем жить рядом, учиться друг у друга, и более того — поддерживать один другого, при этом не смешивая конечных целей и не подменяя истину компромиссом.

И все же продолжение этой книги для идущих путями Безмятежности и Гармонии покажется не столь близким, поскольку все остальные главы будут написаны сквозь призму того опыта, к которому стремлюсь я. Хотя и в этом случае, надеюсь, они будут полезны, потому как могут помочь глубже понять тех, кто идет дорогой личных отношений с Богом, чтобы не просто внешне, а именно изнутри увидеть то, что движет ими, и что за сильный внутренний импульс позволяет им жертвовать многим ради своего пути? И, возможно, это заставит яснее и честнее взглянуть на собственную практику, либо укрепив свою решимость и чистоту намерений, либо найдя в себе отклик на то, о чем здесь будет сказано.

Если же твое сердце откликается на зов Личности, вполне возможно, твой образ Бога не похож на мой. Но **если ты тоже ищешь отношений с Ним, то, может быть, мы идем в одном направлении, а значит, могли бы идти рядом?** Давай поговорим об этом в следующих главах, где речь пойдет уже именно о путях, ведущих к Единому Личностному Богу.

Глава 2. Если Бог один, то почему религий много?

В зале древнего храма, под высоким стеклянным куполом, стоял огромный огранный драгоценный камень. Он был так велик, что с одной стороны взглядом его было не охватить. С разных сторон к нему подходили люди и начинали спорить о том, что видят.

— Он фиолетовый, — сказал один. — Твердый, строгий, как вечер перед бурей. Это цвет справедливости.

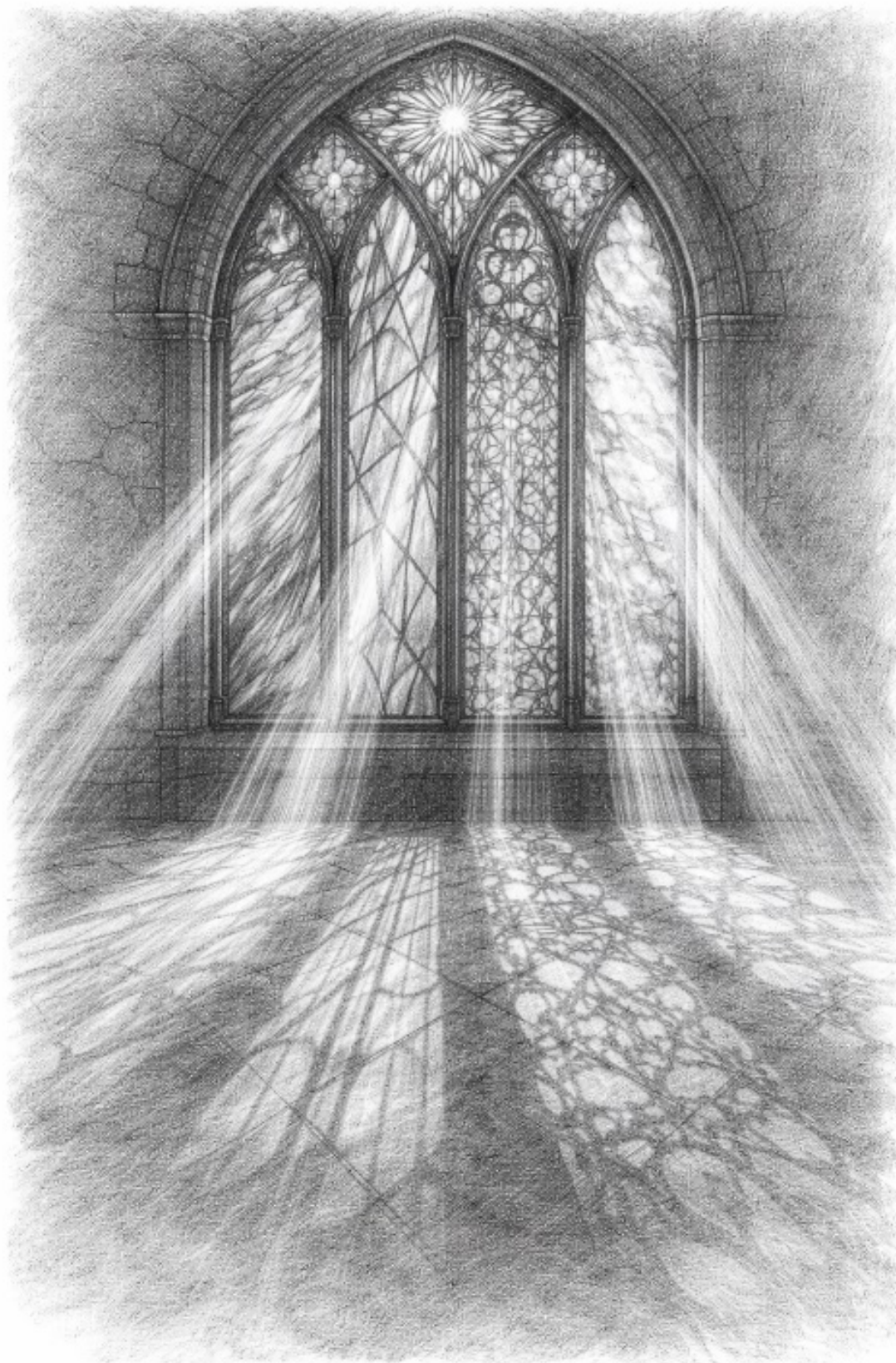
— Нет, — возразил второй. — Он зеленый. Мягкий, живой, как весна. Это цвет милосердия.

— Он розово-золотой, — сказал третий. — Это цвет любви.

— А я вижу синий, — сказал четвертый. — Глубокий, как небесная даль. Это цвет красоты.

Они говорили спокойно, но с той внутренней настойчивостью, которая возникает, когда кто-то ставит под сомнение то, что ты видишь сам.

Когда их разговор стал переходить в спор, кто-то один вдруг сказал: «Посмотрите вверх!» На потолке под куполом отражался переливчатый отблеск: зеленый, синий, фиолетовый, золотистый – все вместе, не сливаясь в однотонность, но и не споря между собой, блистали отражения разных граней кристалла.

О единстве Бога и многообразии Его качеств

Кто-то, вполне обоснованно, может мне возразить: «Тихон, твои слова о том, что во всех мировых религиях “Бог — один”, звучат, скорее, как символический жест в сторону межрелигиозного согласия, чем как утверждение, имеющее под собой прочное основание. Ведь стоит лишь немного углубиться в эту тему, как возникает закономерный вопрос: «Если Бог действительно один, то почему Его воззвания в разных традициях звучат столь по-разному? **Почему то, что для одних — неоспоримое откровение, для других — чуждая культурная оболочка или даже ересь?** Один проповедник говорит одно, другой — другое, и все они ссылаются на Бога. Кому верить? Почему все так запутано и противоречиво? Может быть, просто махнуть рукой на все эти споры? А, может даже и правда правы те, кто считает, что все религии придумали люди?»

Строгие богословы тоже могут упрекнуть меня в чрезмерном упрощении. Ведь за каждой традицией стоит огромная богословская школа. Классический теизм, например, говорит о Боге как о вечном, неизменном и абсолютно трансцендентном Творце, стоящем над миром и сотворившем его из ничего. Пантеизм утверждает, что Бог превосходит мир, но в то же время пребывает в нем, как душа в теле, и что мир находится в Боге, но не исчерпывает Его. Пантеизм же видит в самом мироздании проявление Божественного, не различая между Творцом и творением. А персоналистический теизм подчеркивает, что в самой сути Бога лежит не только сила и причинность, но и Личность, способная к отношениям, любви и диалогу.

Так о каком же едином Боге может идти речь?

Этот парадокс действительно нельзя обойти стороной. Ведь разные религии, отличающиеся не только обрядами, но и мировоззрением, утверждают свою подлинность, а порой и исключительность. И если хотя бы какие-то из них действительно исходят от Бога, то это уже вопрос не просто об их разнообразии. **Это вопрос о Самом Боге: о том, как Он говорит, и как по-разному открывает Себя людям.**

?

*

Что вас больше всего смущает в многообразии религий?

*

Почему, на ваш взгляд, Бог допускает множественность традиций, если Он — один?

Да, на уровне догматов религии выглядят несовместимыми. На уровне ритуалов — еще более чуждыми друг другу. И даже в своем, казалось бы, корне понимания природы Бога, они тоже различаются меж собой. Но здесь нам необходимо выйти за пределы внешнего и всмотреться в настоящий источник этих различий.

Бог — безграничная, трансцендентная и одновременно Личностная Реальность. А человек — ограниченное и культурно обусловленное существо. Иными словами, Он — большой, а мы — маленькие. И когда Бесконечный Господь обращается к нам, будь то непосредственно или через Своих посланников, Он делает это в форме, наиболее подходящей для нашего восприятия. Он говорит так, чтобы быть услышанным. Православный богослов назовет это «снисхождением»; исламский ученый — «танзиль»; еврейский мудрец — «цимцум», то есть актом божественного самоограничения или самоопределения ради того, чтобы быть понятным творению.

Бог действительно один. «Господь Бог, Господь един есть» (Библия, Второзаконие 6:4).

Но вместе с тем Он, будучи единым, обладает множеством качеств. Он — Милосердный, Верховный Владыка, Всемогущий, Спаситель, Создатель, Всезнающий, Всеблагой, Справедливый, Карающий, Вознаграждающий, Оберегающий, Лучший Друг, Принимающий молитвы, Достойный восхваления, Единый, Безначальный, Непостижимый, Всепрощающий, Терпели-

вый, Источник всех благ, Восхитительный — и это лишь малая часть Его качеств. С этим согласится любой зрелый теист. Но в зависимости от того, какие из этих качеств становятся центральными в той или иной традиции и писании, данном Самим Богом, выстраивается все остальное: мировоззрение, богословие и духовная практика.

Так разные религии становятся своего рода зеркалами, отражающими различные грани одной и той же Личности Бога.

?

Какие три качества Бога для вас сейчас самые живые? А какие — остаются лишь словами? Какие качества Бога для вас важнее всего?

Представьте себе огромную гору. Люди карабкаются на нее с разных сторон. Тот, кто взбирается с юга, видит солнце и пологие зеленые склоны. Тот, кто с севера, — снег и крутые скалы. Они описывают разное восприятие горы? Да. Сама гора от этого как-то меняется? Нет. Просто они видят разные ее стороны с того места, где сейчас находятся.

Если в Коране имя «Ар-Рахман», что означает «Милостивый», повторяется снова и снова, это акцент, ведущий душу к особому переживанию: «*Милость Моя объемлет всякую вещь*» (Коран 7:156). Если западное христианство вновь и вновь произносит «*caritas*» — любовь, — это богословская формула: «*Deus caritas est*» (Библия, Первое послание Иоанна 4:8), означающая, что Бог отдает Себя до конца. И если вайшнавская поэзия воспеваает Бога как Кришну, что означает «Всепривлекающий», это выражение онтологической истины, что красота и привлекательность — сущностное свойство Бога. Он — не только Истина и Закон, но и Тот, Кто пленяет сердца.

Каждая традиция — это путь, данный Самим Богом тем, кто готов увидеть Его определенным образом. Это витражное окно, через которое люди смотрят на Небо. Наша задача — не завешивать чужие окна, а научиться замечать, как через каждое из них входит один и тот же Свет, проявляя в каждом случае свою неповторимую игру света.

Это, конечно же, требует определенной зрелости. Проще сказать: только мы правы, и только у нас Истина. Но только вера, открытая к пониманию других, обретает зрелость, в которой не боится различий, потому что знает, что в центре каждого из них всегда стоит одно или несколько из качеств всё того же Единого Бога. Одни писания утверждают Его прежде всего как Милосердного, другие — как Справедливого Судью, третьи — как Всепривлекающего Владыку сердца. И это не противоречие. Бог не разрывается между Своими именами и качествами. Он — и то, и другое, и третье, и четвертое... В Нем свободно совмещается даже то, что с человеческой точки зрения кажется несовместимым.

Именно с этого должен начинаться наш подход к каждому из писаний, с желания услышать в них живую логику обращения Господа к людям и искреннего поиска Его замысла вместо чьих-то заблуждений. Тогда вместо **релятивизма и универсализма мы обнаружим многогранность Истины.**

?

*

Какие качества Бога в вашем восприятии труднее всего соединить? Милость и справедливость? Величие и близость? Что-то еще? Как вы их примиряете в своем понимании Бога?

*

С каким внутренним настроением вы обычно встречаете религиозные образы из других традиций: с подозрением или с любопытством к замыслу Бога?

Чтобы осмыслить эту многогранность Господа, некоторые богословы попытались сгруппировать Его качества по определенным признакам. Одни атрибуты говорят о Боге как таком — вечном, несотворенном, превосходящем все. Другие описывают Его отношение к миру: Творец, Законодатель, Хранитель. Есть качества нравственного порядка, такие как милость,

справедливость и верность. А есть те, что связаны со спасением: Освободитель и Искупитель. И, наконец, эстетические и личностные грани Его сущности: Красота, Дружба, Близость.

И каждое писание делает акцент не на всем сразу, а на чем-то для него главном, в частности, с учетом обстоятельств, в которых оно было дано. А далее этот акцент становится осью, вокруг которой выстраивается все остальное: богословие, структура веры, практика, культура.

В иудейской традиции центральным становится акцент на справедливости. История народа начинается с Исхода: с суда над угнетателем, с освобождения из рабства, с дарования Закона, который должен стать осязаемым выражением Божьей правды и ориентиром для жизни. Слово «*цедек*» — справедливость — звучит в писании с такой частотой, что является постоянным напоминанием о том, что мир неминуемо должен быть приведен в соответствие с волей Бога.

Коран акцентирует внимание на милости. Почти каждая сура начинается с формулы: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного». Это же не просто богословское приветствие. Это рамка всего послания и приглашение смотреть на все, что происходит, через призму Божественного сострадания. Через милость, которая окружает, ведет, исправляет и прощает.

Христианство Нового Завета делает центральным слово любовь. Любовь, идущую до конца, любовь как жертву. От утверждения апостола Иоанна: «*Бог есть любовь*» (*Библия, Первое послание Иоанна 4:8*) до распятия как предельного проявления самоотдачи. Все повествование писания ведет к одной мысли: «Бог пришел не судить, а спасать. Он стал одним из нас, чтобы вернуть нас к Себе».

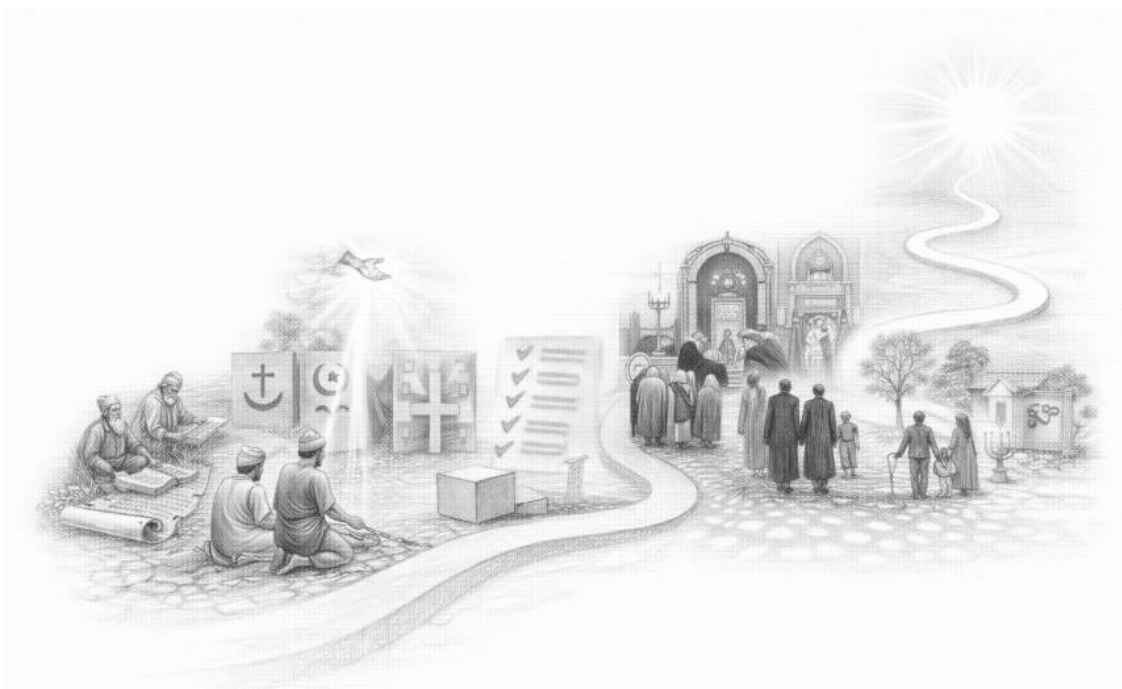
Вайшнавская традиция говорит языком *бхакти-расы*: вкуса, настроения и чувства, возникающих в живых отношениях с Богом. Бог здесь — не столько Законодатель или Спаситель, сколько Возлюбленный и Друг. И потому молитва превращается в поэзию, богослужение — в праздник, а теология — в искусство переживания чувственного опыта.

Так каждая традиция словно обретает свою палитру качеств и отношений с Богом. В ней присутствуют все краски, но какие-то проявляются особенно ярко.

?

Какая строка этой таблицы лучше всего описывает ваше нынешнее настроение в молитве?

Как религия возникает из взгляда на Бога

Итак, мы вкратце ознакомились с тем, как разные религии делают акцент на разных качествах Бога. Но давайте рассмотрим детальнее, как так получилось. Почему из одного Источника выросли такие разные пути? Неужели Бог специально запутал людей?

Попробуем проследить этот путь: как изначальное Откровение облекается в язык, преломляется через временные обстоятельства, закрепляется в догмате, становится богослужением — и, в конце концов, вырастает в культуру общества. Иными словами, увидим, как разные религии постепенно «оделись» в ту неповторимую форму, которую мы сегодня знаем как христианство, ислам, иудаизм или вайшнавизм.

Кому-то описание ниже может показаться скучным уроком по истории религий. Но на самом деле, понять этот путь — значит увидеть, как Бог говорит с нами. Это поможет нам не просто «терпеть» тех, кто верит иначе, чем мы, а **уважать Его замысел в этом многообразии, увидеть живую логику Его обращения к разным людям в разное время.**

И последнее: эту книгу могут читать и профессиональные теологи, и специалисты по истории, и простые люди. Поэтому здесь, да и во всей книге, мне приходится держать баланс между точностью и понятностью формулировок. Далее, несомненно, я буду порой несколько упрощать описываемую мной тему. На самом деле, в ней значительно больше объема и нюансов, но нам важно в них не потеряться, оказавшись в ситуации, когда за деревьями не видно леса.

Так что нет необходимости запоминать все даты и имена. Попробуйте просто уловить общую нить идеи: как из одного Источника рождались такие разные, но по-своему глубокие реки веры.

Первый шаг — язык.

Слово Господа всегда приходит на конкретном языке. И сам этот язык уже несет в себе определенную систему понятий и смыслов, которые направляют вербальное восприятие человека.

Так, в арабской традиции само имя Аллах связано с формой *аль-Илях* — «тот самый Бог», и уже этим подчеркивает абсолютную единственность и непостижимость. Оно не имеет множественного числа и не изменяется по роду, выражая идею, что Бог не принадлежит миру творения и не подпадает под его категории. А слово *рахма* — «милость» — связано с тем же корнем, что и *рахим*, материнская утроба. Поэтому, когда мусульманин произносит «Ар-Рахман», он слышит живую заботу, исходящую из самой сущности Бога (Коран, Аль-Фатиха 1:1).

В библейской традиции сакральное имя ЙХВХ (иногда произносимое как «Яхве») восходит к глаголу «быть» и означает «Сущий» или «Тот, Кто есть». Бог предстает здесь не как один из объектов нашего мира, и не как сила, стоящая рядом с другими силами и сравнимая с ними, но как сама основа бытия, из которой все рождается и которой все обязано своим существованием (Библия, Исход 3:14). Сам язык показывает, что Бог – Тот, в чьей реальности мы живем каждое мгновение. Даже запрет на произнесение этого имени в иудаизме подчеркивает ту же истину: бытие не может быть сведено к человеческому слову, потому что мы находимся внутри него, а не вне его.

В христианской молитве обращение «Отче» (*abba* на арамейском) тоже не нейтрально. Оно ближе к слову «папа» или «отец» и выражает доверительное сыновнее отношение. В одном слове уже заключен образ взаимоотношений между сыном и любящим Отцом (Библия, Послание к Римлянам 8:15).

Даже такие привычные русские слова, как «Бог» и «Господь», что я использую здесь, не являются нейтральными. Слово «Бог» восходит к индоевропейскому корню «*бхаг*», что означает «доля», «дар» или «тот, кто распределяет блага». Также, слово «Бог» родственно санскритскому слову «*Бхагаван*», которым в вайшнавской традиции называют личностный аспект Бога, когда хотят подчеркнуть то, что именно Он изначально обладает всем, и от Него исходят все совершенства этого мира. Уже само это происхождение корня слова указывает на образ Дающего, Источника, и Того, от Кого всё исходит и к Кому всё возвращается.

А слово «Господь» связано с древнерусским «господин» и восходит к старославянскому сочетанию слов «гость» и «под», означавшего «тот, кто принимает гостей под своей кровлей». Со временем значение расширилось и стало означать «хозяин дома», «повелитель» и «владыка».

Таким образом, даже на уровне языка одно слово пробуждает в сознании образ изначального Дарителя, а другое — образ Защитника и Владыки.

Конечно, сегодня мы не всегда осознаем эти глубинные смыслы, и они не обязательно всплывают в нашем сознании при каждом употреблении слова. Но именно через такие слова формировались представления о Боге в тех первых поколениях верующих, которые закладывали фундамент религиозной традиции.

Второй шаг — исторический контекст.

Также Откровение проходит через фильтр эпохи, в которую Господь являет его. Конечно же, Бог не стремится подстраиваться под время и человеческую историю. Он Сам ведет человечество Своей Высшей Волей. Но суть здесь в том, что, когда Откровение нисходит, оно не просто отвечает на сиюминутные вызовы, стоящие перед человечеством, но и раскрывает Замысел, который Бог вложил в сам ход истории. Исходя из этого, Богом раскрывается наиболее актуальная на данный момент грань Его природы, которая больше всего будет привлекать людей, и именно в той форме, в какой они готовы принять ее сейчас.

Так, согласно Завету, Моисей слышит голос Бога не в тиши философских размышлений, а посреди рабства. Еврейский народ угнетен, его достоинство раздавлено, а надежда на свободу угасает. И тогда Бог открывается как Личность, Которая вмешивается в эту несправедливость. Он говорит: *«Я увидел страдание народа Моего... и Я сошел, чтобы избавить его»* (Библия, Исход 3:7–8). В этот момент зарождается особый акцент на качествах и роли Бога.

Библейские пророки, такие как Исаия, Амос, Осия и Иеремия, дают свои откровения уже в иной момент истории. Не тогда, когда разрушены храмы или народ находится в рабстве, а когда внешне все благополучно. Но за внешним благочестием в людях прячется равнодушие, а за словами их молитв — отсутствие раскаяния в несправедливой жизни. И тогда звучит обличающий голос: *«Чего Мне множество ваших жертв? ... Научитесь делать добро, ищите правды»* (Библия, Исаия 1:11, 17).

Христианство возникает в определенный исторический момент как кульминация этой линии. Ведь призыв к внутренней правде прозвучал, но не был услышан. Прошли века, но ничего не изменилось. Общество устало от ожиданий. Израиль живет под римским владычеством. И одни ждут политического избавления, другие — Небесного Царства...

Именно в этой ситуации накопившейся усталости от фокуса на внешних формах и жажде подлинного освобождения Бог выбирает иной путь. С точки зрения христианства, Он приходит Сам. Не как далекий Владыка, а как близкий Сын. В образе не Всевышней силы, а человеческой уязвимости, потому что теперь главное для Него — не судить, а спасать. И потому речь идет уже не столько о правилах или правильности, сколько о самом сердце человека, которому необходимо не столько указание, сколько любовь. Поэтому Христос приносит людям не просто учение, а Себя: живое воплощение той милости, которую человек больше не способен заслужить, но способен принять как дар.

Со временем, по мере распространения христианства, возникает потребность сохранять и передавать этот дар живого присутствия милости. Так постепенно оформляется католическая традиция. Как попытка удержать неуловимую благодать через видимую и осязаемую Церковь. Отсюда идет ее акцент на каноны, иерархию и таинства, которые становятся тем общепринятым языком, через который последователям предлагается соприкоснуться с милостью Бога. Эта структура веками хранит веру, передает преемственность и поддерживает единство, но со временем в ней возникает этическое напряжение: благодать начинает восприниматься как нечто, распределяемое сугубо через заслуги, посредников и ритуал, что вызывает искажения.

На этом фоне, в Европе XVI века, рождается протестантизм. В сердцах множества людей зреет тревога: можно ли быть уверенным в своем спасении? Можно ли быть прощенным по-настоящему? Церковь дает обещания, но не дает мира в душе. И вот Мартин Лютер, монах, остро переживающий свою недостойность, слышит в писании: *«Праведный верою жив будет»* (Библия, Послание к Римлянам 1:17). Так рождается новый акцент: главное — не собственная заслуга, а доверие Богу. Не церковная иерархия, а живая связь с Господом.

С другой стороны, православная традиция оформляется в эпоху, когда христианство перестает быть религией гонимых. После его принятия императором Константином I Великим, и особенно после разделения империи, христианство становится верой самой Византии — централизованного государства с прочной властью, устойчивыми традициями и видением мира как космоса, устроенного Богом. Такая политическая и культурная среда радикально меняет образ веры. Если раньше она жила на периферии общества и учила видеть мир враждебным пространством, из которого необходимо спастись, то теперь она, будучи государственной религией, проникает в повседневную жизнь общества: в управление, право, быт, искусство.

Отсюда и основной акцент мировоззрения. Главным становится не страх перед Судом Божиим, как на Западе в позднюю эпоху тревог, и не жажда освобождения, как в дни Моисея, а непосредственное участие, вовлеченность в святую реальность здесь и сейчас. «Мир еще не окончательно спасен, но уже сопряжен с Небом». Поэтому и акцент в богословии теперь ставится не на моменте прощения, а на длительном пути обожения — преобразования человеческой природы в богоподобную под воздействием Божественной благодати и молитвы.

Ислам же возникает в VII веке в условиях глубоко разрозненного мира народов Аравийского полуострова как объединяющее учение. Племенная Аравия живет без общего закона, где каждый род сам по себе. Где вместо правосудия — кровная месть, вместо милости — право сильного, а вместо нравственного порядка — обычаи, завязанные на чести, страхе и все той же грубой силе. Женщины ограничены в правах, а сироты и слабые социально беспомощны. В этой среде отсутствует всеобъемлющая концепция, которая могла бы объединить или защитить на всех социальных уровнях.

И именно в этом контексте звучит голос Корана: как воззвание к Единству. «*Нет божества, кроме Аллаха*» (Коран 37:35). Это утверждение не только о Боге, но и об основании нового общества. Аллах — не один из, а Единственный. Не покровитель какого-то племени, а Господь всех. Это слово разрушает локальные иерархии и собирает людей в новую общность, основанную на покорности Единому. И с этой вертикалью принятия Высшего закона устанавливается горизонталь отношений в обществе: милосердие, гостеприимность, справедливость, забота. Коран подчеркивает, что молитва не принимается без заботы о сироте, а вера — ничто без милосердия.

Кришна, как утверждают вайшnavы, тоже приходит в мир в эпоху, когда земли Бхараты (Индии) раздираемы борьбой за власть между родственными кланами правителей. Честь и долг для многих из них перестают быть незыблемой основой общества, а правда уступает место силе и хитрости. Законы дхармы, благочестивой жизни, больше не в силах сдержать общество от междоусобицы.

Тогда, с точки зрения устоявшихся принципов общества, Господь в образе Кришны призывает отбросить все виды мирской религиозности, которые мешают осознанию своего духовного долга, и Сам становится центром пути к спасению. «*Оставь все виды религии и просто предайся Мне*» (Бхагавад-гита 18.66). Этот призыв не означает отрицания нравственности, а указывает на ее подлинный источник: когда внешние законы больше не ведут к Истине, необходимо обратиться к Самому ее Законодателю. И тогда добродетель обретает свое высшее выражение в личной связи с Тем, Кто ее устанавливает. При этом Кришна не только учит этому знанию, но и Сам действует вместе с преданными Ему спутниками, показывая пример.

Через это участие Он провозглашает, что Бог не отстранился от мира, Он небезучастен, Он присутствует в его событиях мира и жизни тех, кто искренне стремится к личным отношениям с Ним. Отсюда и рождается основной акцент вайшnavской традиции: спасение через личностное служение и вручение себя Богу, Который не только направляет и защищает, но и привлекает Своей всеобъемлющей красотой и близостью.

Третий шаг — закрепление через постулаты.

Чтобы акцент не расплылся и не растерялся в потоке времени, его необходимо сохранить. Вследствие чего рождаются догматы, катехизисы, трактаты и прочие предписания и запреты. Так происходит религиозная систематизация, суть которой — зафиксировать главное как общественную норму и защитить ее от размывания.

В иудаизме догматическое закрепление происходит через концепцию Закона, Торы, как Божественного Завета. Бог — не просто Творец, но и Судья, управляющий миром через Свою волю. Человек вступает с Ним в Завет, и заповеди становятся путем жизни, средством соединения с Источником справедливости. Это и есть догматическое выражение начального акцента: справедливость как суть отношений между Богом и человеком (см. *Маймонид, Перуци га-Мишна к трактату Санхедрин, гл. 10*).

Таким образом, в христианстве IV века на Никейском соборе утверждается: «Сын — единосущен Отцу» (*Никейский символ веры, 325 г.*). Это ответ на вызов самому сердцу христианской веры: вере в Бога, Который так любит, что отдал Себя. Не кого-то другого, не промежуточное звено, не ангела — а Себя Самого. В этом — вся суть: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына» (*Библия, Евангелие от Иоанна 3:16*). И потому утверждение о единосущности — форма защиты этой истины: любви, в которой Бог не щадит Себя. Отрицание единосущности означает, что страдал кто-то другой. А христианская вера утверждает: страдал Бог. Любовь, дошедшая до предельной жертвы, самопожертвования, не может быть передоверена. В этом и заключается глубина никейского догмата.

В исламе аналогичную роль играет *таухид*, утверждение абсолютного Единства Аллаха. Аллах Един, и для проявления Своей милости Он ни в чем не нуждается. Его милость не распределена между разными силами и не обусловлена ситуацией. Она изначальна, свободна и суверенна. И действует Он не из нужды, а из Своего вечного сострадания. Потому мусульманская система убеждений утверждает: Аллах не телесен, не подобен Творению, знает все, управляет всем и остается Милостивым.

В вайшнавской традиции, особенно в гаудия-вайшнавизме, центральный догмат — это утверждение Личности Бога как Всепривлекающего Кришны, находящего Свое высшее наслаждение в разнообразных взаимоотношениях. А провозглашенная Шри Чайтаньей в XVI веке доктрина *ачинтия-бхеда-абхеда таттвы* («непостижимого единства и различия Бога и души») становится философской основой учения: «Душа вечна, отлична от Бога, но неразрывно связана с Ним отношениями любви. И потому спасение заключается в восстановлении этих некогда забытых отношений».

Вы еще не устали? Я понимаю, что читать все это может быть непросто: слишком много эпох, терминов, традиций. Но именно через такое последовательное описание мы можем отследить логическую нить того, как каждая религия стала тем, чем она является сегодня, и почему ее голос звучит так, как мы его слышим. Вам не нужно запоминать каждую деталь или вникать во все нюансы. Попробуйте просто уловить общий рисунок, алгоритм — направление движения, через которое каждая традиция обрела свою форму и суть.

Четвертый шаг — богослужение.

Когда откровение становится частью жизни, оно входит в язык богослужения.

В исламе акцент на милости и Единстве Бога выражается прежде всего в намазе, пятикратной ежедневной молитве, совершаемой в строго определенное время. Каждая молитва начинается словами: *«Бисмилляхир-рахманир-рахим»* — *«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»* (Коран 1:1). Это напоминание, что ты стоишь перед Тем, Чья суть — миловать. Хадж, совершаемый мусульманами, подчеркивает ту же истину в масштабе общины: перед Милостивым все равны — богач и бедняк, знатный и безвестный, образованный и неграмотный. Различия стираются, и нет иного достоинства, кроме смирения перед Ним.

В иудаизме акцент на Завете и справедливости воплощается в богослужении, сосредоточенном вокруг Торы, живого слова Бога. Центральное событие — шаббат и чтение Торы в синагоге. Здесь молитва — это путь не только к милости, но и к восстановлению Божьей правды: к жизни по закону Бога.

В христианстве богослужение строится вокруг Любви, отдавшей Себя. Центральное событие — причастие, где Христос говорит: *«Сие есть Тело Мое... Сия есть Кровь Моя»* (Библия, Евангелие от Матфея 26:26–28). Через хлеб и вино человек прикасается к жертве Бога, Который пришел Сам, чтобы спасти. В православии литургия воспринимается как вход в реальность, где Бог уже являет Свое присутствие. Поклоны, иконы, облачения, пение — каждая деталь направлена на то, чтобы помочь человеку сосредоточиться и войти в непосредственное переживание святости. В католичестве же месса хранит ту же суть, но выражает ее через строгость формы. А в протестантизме богослужение делает акцент на Слове и личной вере.

В вайшнавской традиции богослужение строится вокруг живого вкуса любви к Богу. Молитва здесь — не только восхваление Бога, но и встреча с Ним. Киртан, то есть пение святых имен, играет роль зова: «Приди! Будь с нами!» Пуджа (поклонение Божеству), совершается как личное служение Богу: предложения Ему пищи, ароматических масел, украшений, цветов и других атрибутов отношений. Бог здесь — не просто Законодатель и Свидетель, Он — желанный Гость, Друг и Центр дома. Даже философски насыщенные гимны здесь пронизаны тоской по Богу как Тому, Кто дарует Себя каждому в ответ на их любовь.

Пятый шаг — культура.

Когда откровение прошло свой путь через язык, контекст, постулаты и формы богослужения, оно начинает прорастать в повседневную жизнь людей. Вера перестает быть только религиозным действием и постепенно входит в характер народа, его образ мышления, правовые и этические нормы, семейный уклад, кулинарные традиции, стиль одежды, искусство.

Проявления этого социального явления слишком многообразны, чтобы перечислить их все здесь, поэтому приведу лишь несколько примеров для наглядности.

В иудаизме акцент на справедливости как форме Завета оформляется в культуру точности, ответственности и внимания к деталям. Еврейское право охватывает не только храм, но и повседневность общества: как вести дела, общаться, питаться, праздновать события. Быть иудеем — значит жить по Завету даже в мелочах. Так формируется мышление, в котором истина проявляется в точности, а верность в постоянстве. Отсюда возникает особое внимание к слову, склонность к учебе, праву, аналитике. Даже в светской культуре тяга к этике, знанию, литературе является продолжением той же логики: каждое действие имеет значение.

В исламе акцент на милости и Единстве Аллаха вырастает в культуру заботы, гостеприимства и социальной щедрости. *Закят*, обязательное пожертвование, исходит не просто из благотворительности, но и из убежденности, что милость Аллаха должна течь через всех. Из того же корня рождаются искусство уважения и достойного поведения, глубокое чувство братства в *умме*, общине верующих, где каждый несет ответственность за ближнего.

В православии любовь соединяется с идеей святости как преображения. Отсюда и идея о социальной симфонии — общество как храм, где и власть, и народ живут в присутствии Бога. Семья мыслится как «домашняя церковь», календарь выстроен вокруг памяти о святых, а города растут вокруг соборов. Даже простые человеческие проявления, например уважение к старшим или память о предках, здесь связаны с верой и показывают, как она пронизывает весь быт.

В классическом протестантизме вера — это прежде всего постоянная личная связь с Богом, и потому она выражается не только в молитве или богослужении, но и в повседневных делах. Честный труд, бережливость, ответственность за свое дело становятся не просто нравственными качествами, но самым способом служения Богу. Из этой логики, как отмечали некоторые исследователи, постепенно вырастает идея, известная как «протестантская этика труда», в которой работа понимается как призвание, данное свыше, а успех — как знак того, что человек исполняет свою миссию.

Здесь можно увидеть очень важный нюанс. На первый взгляд может показаться, что в этих двух подходах православия и протестантизма говорится об одном и том же: и там, и там вера выходит за пределы храма и проникает в повседневную жизнь, освящая семью, труд и общественные отношения. Однако их внутренние акценты имеют некие различия. В первом случае все рождается из идеи преображения мира благодатью, а во втором — из личной ответственности перед Богом и призвания служить Ему каждым поступком.

В православной культурной традиции вера часто проявляется прежде всего как стремление освятить данный мир таким, какой он есть. Главное здесь — не изменить порядок вещей, а раскрыть в нем глубинный смысл и дать всему свое место перед лицом Бога. Культура же, берущая начало в протестантизме, чаще исходит из логики, где мир воспринимается не как уже освященный, а как поле труда и ответственности, которое человек призван преобразить — строить справедливые институты, развивать науку и производство, создавать новые формы социального устройства, через которые призвана проявиться воля Божья.

Это также можно заметить и на других примерах — там, где одна традиция стремится бережно хранить многовековой уклад и насыщать его духовным содержанием, а другая побуж-

дает менять реальность, действовать и добиваться новых результатов. Например, в одних странах семья часто мыслится как крепость, хранящая традицию и веру, а в других — как место раскрытия личного призвания каждого члена. В одной культуре труд ценится за честность и добросовестность, в другой — больше за плоды и инициативу. Даже устройство государства может восприниматься по-разному: как опекающая сила свыше или как инструмент, который люди создают и совершенствуют сами.

Так, многие, казалось бы, совершенно светские привычки, общественные установки и даже политические доктрины на самом деле могут иметь свои корни в религии, которая когда-то задала им исходный «религиозно-нравственный код» и направление, а затем постепенно ушла вглубь культуры, продолжая влиять изнутри.

?

Если бы вы составляли «свою» книгу священного писания, какой главный образ Бога и какие формы богослужения и культуры вы бы сделали в ней центральными? Почему?

Пример многообразия среди апостолов

Если посмотреть на разницу в культурных акцентах христианства, о которой мы только что вели речь, то можно увидеть, что это различие – вовсе не случайность и не новомодная традиция поздних времен. Семена этого различия были посеяны намного раньше. Уже в апостольском круге мы видим удивительное многообразие восприятия Христа, и именно это разнообразие стало зародышем тех духовных интонаций, которые позже по-разному раскрывались в христианской культуре.

Христос не передал ученикам готовую систему доктрин, не написал книги и не продиктовал некий единый кодекс. Потому каждый из тех, кто шел рядом с Ним, воспринял тайну Христа по-своему — как разные грани одной Истины, которые невозможно вместить в одном человеке.

Наиболее ясно эти разные «тона» проявляются в фигурах двух апостолов, чьи голоса особенно сильно утвердились в истории — Петра и Павла. Они оба были учениками одного Учителя, но их путь, их взгляд и их духовная интонация порой кажутся почти противоположными.

Петр был свидетелем Преображения, стоял рядом с Христом на горе, когда лицо Его сияло, как солнце, и одежда стала белой, как свет (Библия, Евангелие от Матфея 17:2). Он первым исповедал: *«Ты — Христос, Сын Бога живого»* (Библия, Евангелие от Матфея 16:16). Его взгляд на Христа — это взгляд человека, для которого один из ключевых акцентов не в том, что нужно сделать, а в том, Кто перед тобой стоит. Для него одна из граней веры — это, прежде всего, присутствие: быть рядом с Ним, дать Ему место в своей жизни и в мире. Поэтому Петр говорит о Церкви как о *«доме духовном», который строится из «живых камней»* (Библия, Первое послание Петра 2:5). В этой интонации язык — это язык бытия: пребывать, строить, освящать, придавать смысл. Это линия преобразования, но не в смысле активного изменения мира, а в смысле раскрытия в нем того, что уже есть: света, замысла, благодати.

Павел не знал Христа во плоти, не ходил за Ним дорогами Галилеи. Его встреча была внезапной и огненной — на пути в Дамаск, когда свет с неба ослепил его и голос сказал: *«Савл, Савл! что ты гонишь Меня?»* (Библия, Деяния 9:4). С этого момента его жизнь превращается в непрерывное движение: города, корабли, проповедь, столкновения, тюрьмы. Павел с особой силой являет Христа прежде всего как зов — призыв к действию, к миссии, к преобразованию мира. В его интонации проповедь — это язык пути: *«бегите так, чтобы получить»* (Библия, Первое послание к Коринфянам 9:24), *«все делайте во славу Божию»* (Библия, Первое послание к Коринфянам 10:31), *«вера, действующая любовью»* (Библия, Послание к Галатам 5:6). В этом тоне звучит, что мир надо преобразовать, перестроить, наполнить новым смыслом, сделать орудием воли Божией.

Почему Господь допустил эту разность? Почему не сделал всех апостолов одинаковыми, не дал им единой интонации? Отцы Церкви видели в этом намеренный замысел. Один человек способен с особой силой донести тон присутствия, другой — тон призыва и действия. Вместе они создают целостность, которую никто поодиночке не смог бы выразить. Как писал Иоанн Златоуст: евангелисты рассказали то, что сами видели и сочли нужным. Конечно, нельзя сказать, что Петр не был человеком действия, а Павел — великим созерцателем. Были. Речь лишь о разных акцентах, о двух «тонах» учения, как о двух крыльях, без которых Церковь не может лететь. Они по-разному могут определять стиль христианской жизни. Один «тон» зовет человека внутрь, к созерцанию, к принятию и освящению того, что есть. Другой зовет наружу, к действию, к преобразованию, к строительству того, чего еще нет.

Христос пришел и изменить социальный миропорядок, и научить людей жить в нем иначе. Его Царство — и внутри нас, и среди нас. Оно раскрывается как в глубине созерцательного сердца, так и в великих делах истории. Если бы апостолы говорили только о внутреннем, вера могла бы превратиться в замкнутую систему мистики, оторванную от реальности. Если бы они говорили только о действии, она могла бы стать этической системой или социальной программой. Христос дал обоим началам право на существование, чтобы Церковь дышала обоими легкими — созерцанием и действием, спокойствием и силой.

Из этого в свою очередь вырастают различные формы христианской культуры, которые мы видим сегодня. Православный мир чаще развивает те духовные акценты, которые особенно сильно звучат в петрово-иоанновской традиции. Протестантский мир, в свою очередь, в значительной степени опирается на те мотивы, которые особенно ярко выражены в посланиях апостола Павла. Эти различия не означают, что каждая из традиций «принадлежит» какому-то одному апостолу: и Петр, и Павел, и Иоанн принадлежат всей Церкви, и их послания звучат в ней согласованно. Просто в разных культурных контекстах и в разные эпохи одни интонации могут оказывать более сильное влияние на общество и потому быть более созвучными эпохе и актуальными, чем другие.

И различие этих акцентов касается не только их темперамента и жизненного опыта. Оно уходит глубже, в сам образ Бога, который они помогают увидеть через определенную религиозную традицию.

Тон Петра раскрывает Бога как Того, кто уже здесь, кто наполняет собой жизнь и делает священным даже самое обыденное. Он становится тем, в ком все удерживается и обретает смысл. Тон Павла высвечивает грань личности Бога как Того, кто действует, ведет за Собой и меняет. Это образ Бога, который не дает оставаться на месте. Он зовет выйти из привычного и стать «новым творением».

Эти две перспективы складываются в единый образ: Бог — и Основание, и Направление, и Камень, и Путь. Но из едва заметной духовной разницы постепенно вырастают противоположные культурные типы мировоззрения. Несомненно, мы не говорим о прямой причинно-следственной связи, но они могут создавать определенную «склонность» в культуре, делать ее более восприимчивой к одним идеям и менее — к другим.

В политике эти тона могут резонировать с идеей власти как нисходящего порядка, отражающего небесную иерархию, и идеей власти как восходящей ответственности, рождающейся из участия всех (условно говоря, как «автократия» и «демократия»). В культуре общества это также может проявляться в склонности к противоположным тенденциям — традиционализму и индивидуализму, где идентичность задается либо принадлежностью к роду, земле и вере, либо личным выбором и самоопределением. Так, в семье могут ярче проявляться модели патриархального уклада или партнерской автономии. В экономике — склонность к устойчивости или к инновациям. В образовании могут по-разному цениться школа «наследия» (где ученик входит в традицию) и школа «критического мышления» (где он учится формировать собственные решения). И наконец, в социальной динамике это может выражаться в тяготении к консерватизму и стабильности или к новшествам и преобразованиям.

Так, из тончайших акцентов в восприятии Бога могут формироваться столь многообразные проявления не только богословия, но и человеческой культуры.

Кажущийся конфликт

Выше, разбирая историю религий, мы увидели, как четыре качества Бога — милость, справедливость, любовь и красота — становятся центрами известнейших теистических религиозных традиций, а как следствие — хода развития самой человеческой цивилизации. Хотя все эти качества присутствуют в Боге, каждая традиция, помещая в центр своего учения одно из них, выстраивает вокруг него свою духовную архитектуру: ритуалы, богослужение, этику, культуру. Это не означает, что другие качества отрицаются или признаются неважными, но именно избранный акцент становится тем ключом, через который раскрывается все остальные аспекты учения. Так единый Бог становится источником столь разных путей.

И даже если одно из этих качеств Бога, например, любовь, оказывается главным, оно не сводит все многообразие к одному оттенку. Напротив, внутри самой любви могут существовать разные акценты и стили, которые мы могли рассмотреть на примере апостолов.

То же самое происходит не только с традициями, но и с самими людьми. В зависимости от того, какое качество Бога становится главным для человека, выстраивается его внутренний мир. Мы уже видели это на примере Петра и Павла, но этот принцип справедлив не только для апостолов, но и для любого человека.

Если Бог воспринимается как Милосердный, то вера окрашивается в сострадание, стремление помогать и прощать. Как Справедливый — она формирует чувство ответственности и уважения к закону. Как Карающий — рождает страх Божий, строгость к себе и другим, а также суровое покаяние. Как Прощающий — склоняет к мягкости, примирению и второму шансу. Как Оберегающий — дает чувство защищенности, потребность в молитве и поддержке общества. Если Бог — Всемогущий, то человек склонен полагаться на чудо и доверять Провидению.

Если Он Всезнающий — вера наполняется ощущением, что «ничто не укроется от Него», и это дает нравственную честность. Если Спаситель, то в центре — драматизм искупления, личный опыт избавления и миссионерский призыв. Если Создатель, то мир видится добрым и целенаправленным: природа священна, а Творение имеет смысл. Если Бог — Верховный Владыка, тогда возникает акцент на иерархии, послушании и вертикали власти.

Если Лучший Друг — вера становится доверительной, близкой, полной простоты и честности. Если Он — Принимающий молитвы, тогда молитва — это диалог, живая беседа и поиск ответа. Если Бог — Достойный восхваления, то расцветают гимны, искусство и культура благодарности. Если Он Единый, то душа ищет цельность: от веры — до устройства жизни. Если Безначальный, тогда вера учит видеть смысл жизни в вечном, а не во временном.

Если Непостижимый — рождаются созерцание, апофатика (отказ говорить о Боге то, чего человек не может знать) и уважение к тайне. Если Бог — Источник всех благ, то в сердце живет благодарность и стремление делиться. Если Он Терпеливый, тогда вера дает время и терпение для роста и покаяния. Если Вознаграждающий, то появляется мотив добрых дел и ожидание плода — небесного и земного. Если Всеблагой, то вера исполнена доверия к замыслу, даже среди страданий. Если Он Восхитительный, тогда все — от земли под ногами до звезд — становится поводом для благоговения и восторга.

Во всем этом многообразии раскрывается величие Бога, Неисчерпаемого и бесконечно прекрасного, Который одним Своим бытием дает людям множество путей, чтобы обрести Его.

Но именно здесь, в этом многообразии качеств, обнаруживается и напряжение. Не только связанное с тем, что, выдвинув одну грань на первый план, мы невольно затушевываем другие, но и в их кажущейся противоречивости.

Так, когда милосердие становится абсолютным, то карающий аспект Бога воспринимается как насилие, несовместимое с добротой. А когда карающий мотив оказывается во главе, милость кажется слабостью, подрывающей порядок.

Справедливость требует точного воздаяния, но прощающий Бог как будто отменяет этот порядок, разрывая прямую связь между виной и последствием (воздаянием).

Бог, как Всезнающий, знает все — не только прошлое и настоящее, но и будущее, включая наши решения. Но если все уже известно наперед, то может ли дружба с Ним быть живой и искренней? Ведь настоящая дружба предполагает свободу. Если же вся наша жизнь — заранее раскрытая книга, тогда диалог с Богом превращается в монолог Того, Кто и так знает наперед, что мы Ему скажем.

Если Бог Всемогущий, Он не ограничен законами природы и может вмешаться когда угодно, отменив привычный порядок вещей. Но если Он одновременно — Творец, задумавший мир как гармоничную систему с разумными законами, то постоянное вмешательство подрывает доверие к самому Его замыслу. Тогда или Бог проявляет Свою силу вне логики творения, и Его законы не являются незыблемыми; или Он хранит целостность Своего творения, но тогда чудо становится скорее редким исключением, чем проявлением Его силы и могущества.

Непостижимость настаивает: любые слова о Боге — лишь тени. Но когда мы прославляем Бога как Достойного хвалы, мы обращаемся к поэтическому языку, именам и образам. В то время как для Непостижимости, любое утверждение о Боге кажется дерзостью. Тогда музыка, поэзия, иконопись и даже молитвы как будто слишком конкретны и лишены смысла.

Бог является и Единым — безраздельным, неделимым, и Восхитительным — открывающимся во множестве форм, красок и вкусов. Но чем более разнообразной становится литургическая жизнь, тем чаще строгий монотеизм выносит ей обвинения в «полиморфизме».

Образ Бога как Всеблагого, утверждающий, что все направлено ко благу, трудно соединяется с представлением о Боге Карающем, где речь идет о гневе, страхе, неотвратимости кары. Как можно совместить полную благодать с вечным осуждением? Или абсолютную любовь с вечным лишением?

Образ Вознаграждающего акцентирует: добродетель видима и плодоносна. Но терпение как духовная добродетель требует жить в неизвестности, ждать без гарантий, верить наперед, без видимых плодов. Слишком быстрый успех разрушает глубину терпения. А долгий путь, наоборот, ослабляет веру в то, что добро ценится.

Все эти образы задают разные оттенки традиций. Иногда второстепенные, а иногда и принципиальные. Например, они могут породить разную степень близости отношений с Богом:

*

Так, в гаудия-вайшнавизме высшим идеалом отношений с Богом становится не поклонение в строгом смысле, а живое доверительное общение, напоминающее семейное. Кришна предстает то ребенком, которого нужно приласкать и укачать, то возлюбленным, то озорным другом-пастушком. Хотя такие отношения также наполнены глубоким благоговением, а формальное поклонение остается неотъемлемой частью религиозного ритуала. Таким образом, величие Бога не отрицается, но как бы отступает на второй план перед проявлениями любви между Ним и душой.

*

В христианских общинах пятидесятников, в хасидизме, у суфиев, шри-вайшнавов и рас-тафаррианцев отношения с Богом тоже окрашены тоном близости и сердечной открытости, но всегда с оттенком благоговения. Это дружеско-любственное богопочитание, где любовь к Господу сочетается с глубоким преклонением.

*

В православии, католицизме, лютеранстве, традициях сикхизма, зороастризма, а также в некоторых конфессиях мусульман и иудеев в большей степени ощущается дух так называемого

царственного теизма. Здесь Бог воспринимается прежде всего как Верховный Владыка. Чувство близости с Ним присутствует, но его уравнивает благоговейный страх и сознание божественного величия. Личность Бога здесь подчеркнута царственная, но без сильного акцента на Его абсолютной непостижимости. А страх Божий и любовь часто воспринимаются как неотделимые друг от друга — между ними существует не просто баланс, а взаимное проникновение. Так, в православной традиции любовь к Богу немислима без благоговения, а благоговение — без любви.

Впрочем, и в этом «царственном» понимании также присутствуют различные оттенки. Так, в западном христианстве сильнее звучит образ Бога как Праведного Судьи, Владыки и Законодателя. Он устанавливает порядок и ждет от человека ответственности, праведности и покаяния. Хотя в последнее время и там все чаще звучит тема Божественного милосердия.

А в восточном христианстве, особенно в его мистических направлениях, Бог видится как Источник жизни и любви, который Сам приближается к человеку и дарует ему участие в Своей природе.

*

А еще существуют традиции, где Бог также признается Личностью, но Его величие выражается прежде всего в Его непостижимости и бесконечном отличии от всего сотворенного. Так, например, классический суннитский ислам и раббанистический иудаизм учат, что любое имя Бога условно, любая форма — лишь отблеск Его безграничной сути. Молитва здесь исполнена благоговения и осознания, что Бог бесконечно превосходит всякие слова и представления. В суннитском учении о

танзих

и в иудейской традиции отрицательных атрибутов особо подчеркивается:

«Ничто не подобно Ему» (Коран 42:11)

.

Покорность и благоговение здесь естественны и воспринимаются допустимой формой близости. Однако и в этих традициях подчеркивается, что Божественная инаковость не отменяет Его милосердия

.

А в той же иудейской молитвенной практике сохраняется интонация любви — как, например, в обращении к Богу как к Отцу:

«Авину Малкейну» — «Отец наш, Царь наш» (традиционная еврейская молитва Йом-Кипура).

Каждая из этих традиций выстраивает свои отношения с Богом, отражая определенную грань единой Божественной сути. И порой именно в этих различиях возникает напряжение между путями и их последователями. Но **это напряжение — не в Самом Боге, а только в нашем восприятии Его**. Наш ум устроен так, что ему трудно удерживать в сознании противоположности, он стремится к крайностям: либо милость, либо суд; либо свобода, либо предопределение. Но Бог не противопоставляет Свои качества друг другу — Он живет ими всеми сразу, не разрушая Своей цельности. Как отмечал святой Василий Великий: «Бог, будучи прост и неделим, объемлет все Своим бытием, не смешиваясь, но оставаясь трансцендентным и одновременно вездесущим. Его любовь не отменяет справедливость, как и справедливость не гасит милость. Его непостижимость не делает Его немым, как и Его речь не упраздняет тайну. Все это — аспекты одного и того же Безграничного».

Зрелая вера учится не отвергать то, что выходит за ее рамки, а внимать. Даже в том, что сначала кажется чужим. Когда мы соприкасаемся с другими традициями, в которых иные

качества Бога поставлены в центр, это не угрожает нашей идентичности, а, наоборот, помогает выйти за пределы привычного и расширить духовный горизонт. Мы остаемся укорененными в своей вере, но обретаем способность выйти за пределы собственной ограниченности и прикоснуться к многогранному Богу, учась «синтезу без смешения», как учили отцы-каппадокийцы...

(если вы сейчас подумали: «А кто это вообще такие, и почему нам стоит к ним прислушиваться!» — не страшно: это трое влиятельных богословов IV века — Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Я оставил упоминание о них скорее для тех теологов, кто может захотеть обвинить меня в синкретизме, засомневавшись в соответствии сказанного мною тому учению, которому они следуют).

Кто-то, читая эти строки, напротив, может почувствовать, что излишняя многогранность размывает истину: вера, по его убеждению, должна быть цельной и ясной, как прямой белый луч, а не как радуга, расщепленная на множество оттенков. И это не ошибка, просто другое духовное видение — стремление к неделимой целостности, к ясности и строгости, в которой каждое слово и каждое качество должны быть однозначны. Так на живом примере мы видим, как встречаются два взгляда: один тяготеет к «многослойной полноте», другой — к единосущей простоте.

Стремление к многослойной полноте рождается из созерцания Бога как бесконечной Мудрости, всеобъемлющей Любви, гармоничной Красоты и Творчества, способного проявляться в бесчисленных формах. Стремление же к единосущей простоте питается другими сторонами природы Бога — Его Единством и неизменностью, Святостью и непререкаемой Истиной, Его абсолютной Сущностью и Всемогуществом.

И потому разрешить этот кажущийся конфликт не так сложно. Ведь в любом подлинном качестве Бога — милости, справедливости, красоте, любви — уже заключена вся полнота Бога. Поэтому, если человек всем сердцем живет этим, основополагающим для него, качеством, не противопоставляя его другим, а расширяя его понимание вглубь, он неизбежно коснется и других сторон сущности Бога. Подобно тому, как в зеркале одной грани может отразиться вся структура кристалла, так и через искреннее следование одному аспекту можно прийти к осознанию и переживанию целого. А тот, кто различает множество сторон и учится удерживать их в равновесии, — в какой-то момент начинает чувствовать, как за этим многообразием стоит не хаос, а единый Свет.

И тогда оказывается, что радужное и цельное, разнообразие и строгость, живой синтез и строгий акцент — не противоречат, а дополняют друг друга. И это и будет знаком, что мы приблизились к Тому, в Ком нет противоречий.

?

*

Какое качество Бога вы ощущаете сегодня наиболее близким, а какое — наиболее трудным для принятия?

*

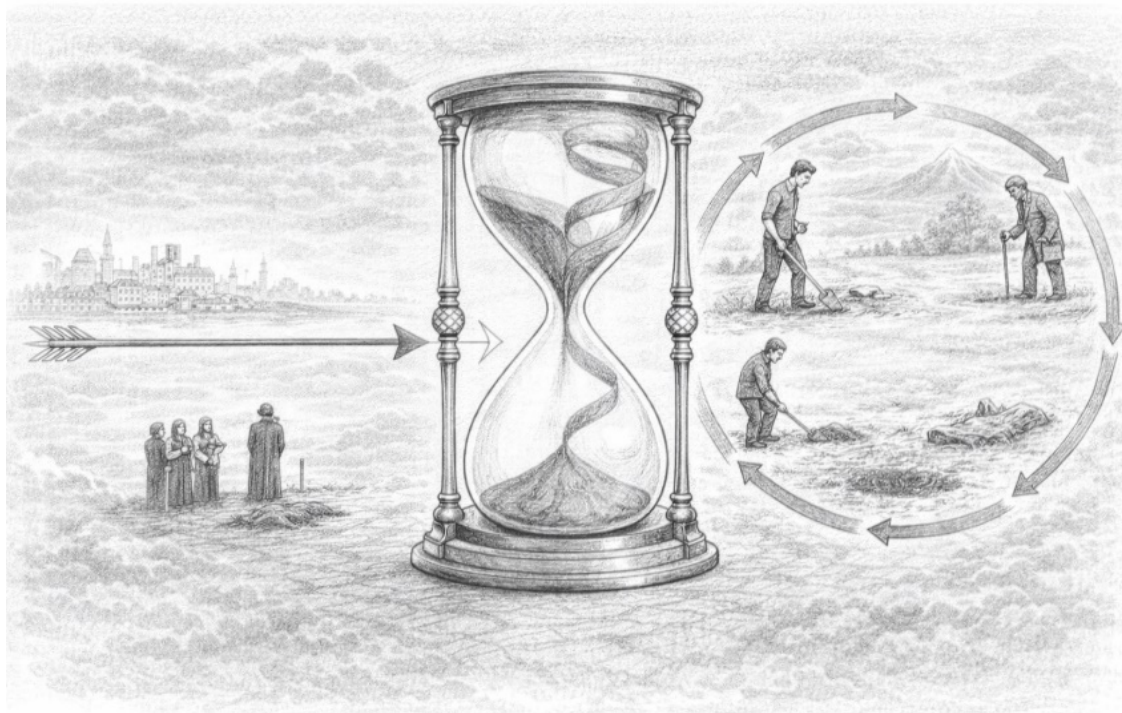
Какие из «конфликтов» в качествах Бога для вас актуальны? Какой — самый острый?

*

Когда вы встречаетесь с другими традициями, где в центре поставлены иные качества Бога, чувствуете ли вы в этом угрозу своей внутренней вере или же расширение горизонта мировоззрения?

*

Если Бог действительно объемлет все качества сразу, то какой опыт может помочь вам научиться доверять этой полноте, а не цепляться только за одну грань Его личности?

Как мы смотрим на Бога — так мы видим и мир

Смысл утверждения из заголовка особенно заметен на примере разных взглядов на природу земной жизни: видим ли мы ее как единственный шанс или как последовательность рождений?

Верящие в процесс перерождения души, реинкарнацию, не могут принять, что милостивый Бог способен навеки осудить кого-то на страдание. А верящие в единственную жизнь, напротив, чувствуют, что бесконечные перерождения умаляют любовь и справедливость Творца, лишая человека решающего ответа и превращая мир в бесконечную отсрочку, где добро и зло так и не получают последнего слова.

Не углубляясь в теологические споры, важно уловить суть: в обоих случаях речь идет о том, какие качества Бога оказываются в центре нашего восприятия и, как следствие, какой аспект Его взаимодействия с миром становится для нас главным. Один и тот же Господь может быть принят как Любовь, мягко ведущая душу через время, или как Любовь, зовущая к решающему ответу. В первом восприятии преобладает бесконечное терпение, во втором — серьезность выбора и завершенность замысла. От того, какая грань этой любви становится ближе сердцу, меняется и сам образ восприятия времени — круг обучения или прямая линия конечной встречи.

В одном случае акцент делается на божественном присутствии во всём. Тогда Господь ощущается как Основа бытия, а в центре внимания оказываются такие качества Бога, как вечное присутствие, терпеливая полнота и мудрость, Бог воспринимается как внутренний Педагог, мягко ведущий душу шаг за шагом. Душа воспринимается как вечная, а жизнь начинает напоминать школу. Каждый этап — как семестр, каждое рождение — как шанс сдать экзамен. Ошибка здесь — не конец пути, а еще одна возможность учиться. Справедливость выражается в том, что человек получает последствия, соразмерные своим поступкам. Милость — в том, что дается время исправиться, вырасти и созреть. Бог здесь — любящий Учитель, снова и снова открывающий двери класса, пока сердце ученика не будет готово войти вместе с Ним в Вечность.

И тогда структура времени воспринимается как круг: череда попыток, в которой возможно возвращение к линии старта. А Бог представляется как всегда находящийся рядом — поддерживающий, терпеливый и направляющий. Его присутствие ощущается в каждой детали мира. Карма здесь — обратная связь: результат поступков, побуждающий к росту. Справедливость гибка, а милость долготерпелива.

Второй акцент можно назвать концепцией «Божественной любви и справедливости». Бог воспринимается как Личность, зовущая к ответу и завершающая историю человека ради истины. Всё, что существует, возникает по Его замыслу и несёт на себе след Его любви и правды. Если в центре внимания оказывается Любовь, которая требует отклика, то акцент смещается на грань личности Бога как Вершителя живой истории отношений между Творцом и творением, где каждый миг наполнен ответственностью за поступки и помыслы. Душа видится как неповторимое творение, возникшее из Любви и предназначенное для встречи с Ней. История — это драма свободы и правды, в которой решается ее судьба. Тогда время становится дорогой со своим началом и концом, а жизнь — неповторимым актом ответа на эту Любовь.

Всё становится «единичным»: одно рождение, один шанс, один итог. Свобода абсолютна, потому что дана Любовью, но цена её велика, потому что Любовь ждёт окончательного выбора души. Каждое действие приобретает решающий вес, а каждая минута — необратимость. Повторные рождения в этом ракурсе выглядели бы как отмена серьезности любви и ослабление правды, потому что акцент делается на единственном ответе человека и завершенности Божественного замысла, в котором соединяются любовь и справедливость.

Так формируются два взгляда на бытие. Один выстраивает время как «круг милости и обучения», другой — как «линию встречи и ответа». Один собирает качества Бога в триаду: мудрость, терпение и милость. Другой — в триаду: любовь, справедливость и решимость. Один — образ Учителя и внутреннего Друга, чья любовь направляет и воспитывает. Другой — образ

Но и в том, и в другом случае Бог остается той же самой Личностью. Не Он меняется, меняется точка зрения на Него. А из нее уже вырастает вся космология определенной традиции.

Уже предчувствую, как кто-то скажет: «Но ведь у души не может быть одновременно и одно рождение, и множество. Неужели ты утверждаешь, что истины нет, а есть лишь мнения?» И в самом деле, разве я не подрываю саму идею объективной Истины, говоря, что возможны разные взгляды на бытие и разные космологии?

Нет, я не пропагандирую релятивизм. Истина есть. Бог один. Его воля вечна. Его замысел совершенен.

Но Он одновременно близок, как Учитель и Друг, и велик, как Владыка и Вершитель. Он — Любящий Отец, принимающий блудного сына, и Праведный Судья, который ставит предел злу и утверждает истину. В Нем нет противоречия между мягкостью и строгостью: это одна и та же любовь, которая и ведёт, и завершает. Если цель Бога — привести душу к любви, то почему Он должен быть ограничен одним способом действия и следовать нашей человеческой логике «или — или»? Как говорят Упанишады: «Верховный Господь и ходит, и не ходит. Он далеко и в то же время очень близко. Он пребывает внутри всего, и всё же Он вне всего».

Тем не менее, пытаясь зажать меня в угол, кто-то может спросить: «Так все-таки, можешь ли ты однозначно ответить — одна у души жизнь в человеческом теле или их много?»

Честно? У меня есть мои убеждения на этот счет, ведь у меня, как и у вас, есть свой путь и свои отношения с Богом, из которых рождается мой взгляд на мир. И на ум приходит хорошо известный рисунок-головоломка: кто-то видит на нем молодую женщину, а кто-то — старуху в зависимости от точки зрения смотрящего.

Или история об изучении частицы света. Ученые спорили, является ли фотон волной или же частицей, пока не оказалось, что он одновременно и то, и другое. Две, казалось бы, несовместимые, но истинные модели, которые только вместе дают целостное понимание явления как такового.

И отстранившись от своих непосредственных убеждений, могу предположить три варианта мнений на этот счет:

Первый вариант: один взгляд — истинен, другой — ошибочен. Это самый простой ответ, но не единственный.

Конечно, кто-то может сказать, что вера в реинкарнацию была придумана, чтобы дать себе оправдание не идти к Богу сейчас, ведь, мол, у души будет еще шанс потом. Но мы знаем, как много святых, придерживаясь данной концепции, достигли глубокой любви к Богу в одной жизни.

Другие, напротив, могут возразить, что взгляд на жизнь как на единичный и неповторимый шанс порождает пренебрежение ко всем, кто не является человеком — в частности, может оправдывать убийство и поедание животных, чья жизнь в такой системе выглядит «ниже». Но на деле множество святых в самых разных традициях проявляли глубокую любовь к животным и сознательно отказывались от мясной пищи. Среди них — Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Франциск Ассизский, Исаак Сирийский, иудейский мистик Бааль-Шем-Тов, мусульманский поэт Джалаладдин Руми и многие другие. Потому что настоящая святость всегда соединяет любовь к Богу с бережностью и состраданием ко всему живому.

Второй вариант: каждого из нас ждет та судьба, в которую мы верим. Не потому, что мы создаем реальность, а потому, что душа свободна желать, а Господь свободен отвечать. И это не релятивизм, а воля Абсолютного Господа. Ведь сказано: «Как человек обращается ко

Мне, так Я ему и отвечаю» (Бхагавад-гита 4.11). Или, как говорит Христос: «По вере вашей да будет вам» (Библия, Евангелие от Матфея 9:29).

И третий вариант, который ближе всего лично мне: один путь — объективен, но другой — не заблуждение, а допущенное Богом восприятие, данное душе как форма заботы. Это временная «оптика», дозволенная Господом, чтобы душа могла узреть Его в определенной форме и настроении. Каждая традиция приоткрывает те грани Бога и выстраивает тот образ мира, который поможет ее последователям достичь совершенства в том пути к Богу, на который они откликнулись сердцем.

В этом случае душа всегда видит Бога в оптимальной для нее форме. Потому взгляда на мир, которого она придерживается в рамках определенной веры, достаточно, чтобы через свою традицию прийти к Богу.

Тогда, если ты в своей вере живешь так, будто у тебя только одна жизнь, и это дает тебе решимость, глубину и любовь к Богу — ты на правильном пути. А если ты веришь, что Бог терпеливо ведет тебя к Себе из жизни в жизнь, и это вдохновляет тебя не сдаваться, вставать, когда тяжело, и с каждым шагом приближаться к Нему — твой путь тоже верный.

В таком случае, если объективная реальность существует, но во взглядах на нее присутствуют противоположные мнения, то такова воля Бога, и потому нет особого смысла спорить на тему количества жизней, тем самым лишь пытаясь разрушить веру друг друга.

В любом случае, Он сам знает, сколько мне необходимо жизней. А моя задача — прожить эту и как единственный шанс, и как последнюю возможность, и как первую встречу. Потому что вечность начинается не потом. Вечность начинается сейчас.

Если Бог дал мне только эту жизнь, то пусть она будет отдана Ему до последнего дыхания. А если даст еще — пусть каждая станет шагом, все более зрелым, все более свободным, все более любящим. Суть ведь не в числе рождений, а в полноте встречи. И дорога, ведущая к этой полноте, — всегда сегодня.

?

*

Какая любовь Бога ближе вашему сердцу — та, что терпеливо ведёт и ждёт, или та, что зовёт к ответу и завершает путь во имя истины?

*

Что вам дает больше вдохновения — мысль о множестве попыток или ощущение единственного и решающего шанса?

*

Можете ли вы соединить в своей вере оба взгляда? Как бы вы это сделали?

Глава 3. Вот что такое «сектантство»

Безье, 22 июля 1209 года.

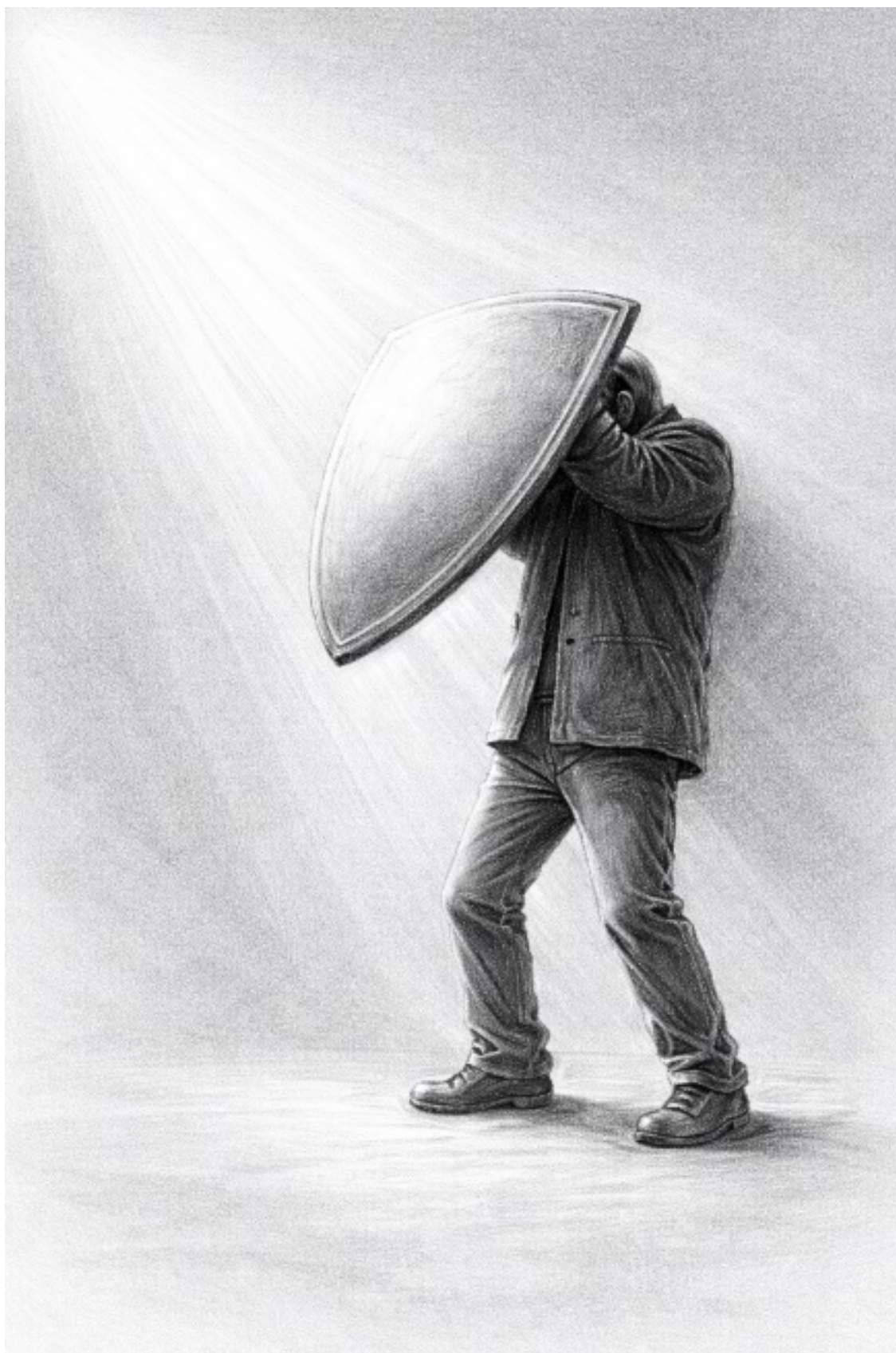
Стояла удушающая жара. Воздух дрожал над камнями. Пыль, поднятая копытами, оседала на лица и доспехи. У крепостных стен города Безье собрались тысячи крестоносцев — французов, германцев, итальянцев. На знаменах — крест. В устах — имя Христа.

— В городе есть и еретики, и верные, — сказал кто-то из офицеров. — Как различим? Арно Амори, папский легат, прижал к груди Евангелие. Он говорил спокойно, без злобы: — Убейте всех. Господь узнает Своих.

Это было не преувеличение. В тот день сожгли весь город. По историческим отчетам тогда было убито до двадцати тысяч человек — мужчин, женщин, детей — тех, кто молился по католическим канонам, и тех, кто придерживался иной веры. Собор Святой Марии был последним — люди укрылись там, но его подожгли вместе со всеми, кто был внутри.

Позже в рапорте Арно писал: «С Божьей помощью, был совершен справедливый суд над нечестивыми. Любовь к истине восторжествовала».

История эта, к сожалению, произошла в реальности.

Корни сектантского настроения

Пока человек живет в связи с Богом, в нем присутствует внутренняя полнота. Но когда его сердце еще не укрепилось в этой связи, человек порой чувствует симптомы внутренней отдаленности от Бога, такие как пустота или одиночество.

Эти симптомы не являются наказанием, скорее напоминанием. Они — не наши внутренние враги и даны нам не для того, чтобы мучить, а чтобы подтолкнуть вперед на нашем пути к Богу. Но довольно часто человек не хочет идти дальше, не хочет углубляться и не готов к духовным переменам внутри себя. И тогда в ответ на эти симптомы у него возникает обратная реакция — не исцелиться, не вернуться к Богу, а просто заглушить внутреннюю пустоту и боль.

Тогда включаются **защитные механизмы «эго»**. Они зачастую незаметны самому человеку, но оказывают достаточно сильное влияние на его личность. Из этих тонких, но прочных болезненных реакций и рождаются сектантские настроения. Не всегда в привычном смысле — как отдельная религиозная группа, но почти неизменно — как внутреннее состояние, когда вера превращается в щит, за которым человек хочет укрыться от Самого Бога.

А поскольку духовная жизнь никогда не существует в изоляции, эти личные искажения порой начинают отражаться и на целых общинах. Ведь традиция состоит не из идей, а из живых людей. И то, что закрепляется в сердцах, рано или поздно проявляется и в повседневной практике, и в самом богословии.

Далее мы рассмотрим шесть аспектов такого бегства от Бога. Все они — попытки найти тепло, ясность и защищенность. Но обходным путем. Без настоящей встречи с Ним.

Важно понимать, что в основе этих реакций не лежит осознанная злонамеренность. За ними прячется экзистенциальный страх, который обыкновенно усиливается в те периоды, когда жизнь становится особенно трудной. И тогда душа, не находя опоры в Свете, начинает жить и действовать в Тени.

Но Тень нельзя победить напрямую, она ведь не враг, а лишь симптом проблемы. И с ней невозможно сражаться почти так же, как невозможно ударить собственный силуэт. Единственное, что действительно помогает, — это вернуться к Свету.

Потому, даже описывая данные механизмы, я делаю это не для чьего-то обличения, а чтобы каждый мог честно всмотреться в свое сердце, дабы распознать, не возникло ли в нем самом чего-то из описанного. И если это всё же произошло — не пытаться в одиночку сражаться с возникшей проблемой, затрачивая на это колоссальные усилия, а приложить их в верное русло, чтобы вновь обрести вдохновение продолжать свой путь к Богу. Потому что там, где возвращается Его живое присутствие, все лишнее начинает растворяться само собой.

*

Страх

Когда сердце не чувствует живого присутствия Господа, у нас внутри возникает естественное ощущение сложности бытия и страха перед ним: «Со мной может произойти все, что угодно...». Как компенсаторный механизм психики возникает желание все упростить: «Пусть кто-то просто скажет мне, что надо сделать, чтобы все было хорошо. Пусть даст панацею — универсальную формулу спасения, которую следует повторять как ритуал, одну "кнопку", на которую нужно нажимать».

И мир откликается на этот внутренний запрос, предоставляя человеку соответствующее мировоззрение: «Вот тебе один-единственный путь: делай вот это, и Бог будет доволен».

Испуганный человек с готовностью хватается за это предложение, как за спасательный круг. Со стороны это выглядит как фанатизм. Но внутри человек чувствует облегчение: «Наконец-то все стало проще, можно не беспокоиться!»

И в таком восприятии упрощенная картина мира превращается в черно-белую схему: Свет — Тьма, «свои» — «чужие»... и как крайнее воплощение данной идеи: «Кто не с нами, те против нас».

Полутона начинают казаться опасными для неокрепшей веры. Сначала человек еще делает различия, но с каждым разом он все сильнее ищет подтверждение своей позиции, подтягивая под нее выборочные факты и цитаты из писания. Каждый «подтверждающий» факт укрепляет его шаткую уверенность. Вследствие чего уверенность огрубляет внутренний психологический фильтр восприятия мира, и этот фильтр шаг за шагом начинает отсекалть все больше оттенков реальности, превращая восприятие Бога в монохромную картину.

Так человек постепенно приходит к тому, что любые аргументы, не вписывающиеся в его систему мировосприятия, воспринимаются как враждебные, и потому легко отвергаются им.

*

Одиночество

Когда человек не ощущает живого присутствия Бога, он начинает испытывать гнетущее чувство собственного одиночества. И если в ответ на это он не углубляется в отношения с Богом, сердце начинает искать этим отношениям замену. Самым доступным источником становится тепло находящихся рядом людей.

Нейробиологи подтверждают: социальная изоляция активирует те же зоны мозга, что и физическая боль. Поэтому человек тянется к группе, чувствуя: «Вместе — безопасно, а порознь — страшно». Появляется коллективная идентичность: «мы». А позже, как следующая защитная реакция сознания, автоматически возникает противопоставление: «они».

Образ «чужого» начинает восприниматься как угроза, ведь «чужие» могут ослабить чувство нашей идентичности. А значит, их лучше держать на расстоянии.

Сначала это звучит как предупреждение: «Осторожно, чужое учение может сбить с пути!» Но со временем оно превращается в строгое правило: «С ними не общайся!»

При этом, оказавшись «за забором», группа действительно начинает чувствовать себя ближе друг к другу, и потому все глубже закрепляется в этом механизме самоотделения себя от других.

*

Бессмысленность

Кроме того, без живой и прочной связи с Богом человек может ощущать бессмысленность своего существования, а вместе с этим чувствовать себя незначительным или даже ничтожным. Чтобы заглушить эти переживания, он начинает искать доказательства собственной ценности и значимости. Потому в отсутствие ясного внутреннего отклика, человек принимается сравнивать себя с остальными: «Я молюсь три часа, а они — только полчаса», «Я лучше них знаю писание». И эти сравнения дают временное облегчение: «Значит, я все-таки чего-то стою».

Знания, аскезы и служение — по-настоящему ценные аспекты духовной жизни. Но когда они превращаются в удостоверение личности «я — тот, кто делает что-то лучше других», то становятся кирпичами, из которого выстраивается духовный эгоизм. А внутри такого эгоизма всегда сидит страх быть разоблаченным в том, что у него отсутствует главная основа веры.

Чтобы заглушить и этот страх, человек начинает ужесточать правила, требовать от себя и других ритуальной точности и внешней безупречности. Но делает он это не ради собственного роста в любви к Богу и окружающим, а ради сохранения образа: «я — идеальный ученик».

И чтобы окончательно закрепить самомнение, под эту, как будто более возвышенную, чем у других, практику подтягивается соответствующее богословие: «Наш путь — самый возвышенный и истинный. Бог особенно близок именно нам».

*

Скука

Что еще приходит, когда человек не испытывает радости от живого присутствия Бога? Его сердце заполняет скука. И самый короткий путь, чтобы ее заглушить, — это мощный эмоциональный всплеск.

Громкая музыка, динамичный ритм и крик, азарт, выброс адреналина — все это создает эмоциональный всплеск, который легко спутать с настоящей встречей с Богом.

На физиологическом уровне подключаются гормоны удовольствия, и психика начинает воспринимать это как знак: «Если мне хорошо — значит, Бог рядом». Это со временем вырабатывает привычку, а затем и мировоззрение. Так химия нашего мозга незаметно вплетается в богословие.

Но гормоны быстро сгорают, и после них наступает опустошение, причем еще более глубокое, чем до этого. И человек чувствует, будто без очередного эмоционального всплеска он «отрезан от Бога». Так он начинает искать следующую «дозу». И изначальная жажда Бога, становится просто жаждой эмоциональных переживаний.

В итоге способность видеть и чувствовать Бога за пределами этого эмоционального опыта тускнеет, и зависимость от доступного метода получения этих эмоций становится замкнутым кругом.

*

Внутренняя пустота

Когда человек не ощущает Бога, но очень хочет почувствовать Его присутствие, он начинает искать внешние индикаторы. Самый надежный и простой из них — обряд. И тогда он сосредотачивается на деталях ритуала. Но в этот раз, не потому что желает сравнить себя с другими, а потому что сознание заключает само с собой негласный договор: «Если я все буду делать максимально скрупулезно (придерживаясь методички) — значит, Бог будет со мной».

Так внимание человека смещается с сути духовной практики на внешнюю точность исполнения ритуала, и форма, изначально призванная напоминать о Боге, становится самоцелью.

Именно в этот момент ритуал превращается в «идол». А любая проблема, обнажающая своим появлением понимание того, что следование одной только форме не способно исцелить внутренний кризис сознания, начинает заматываться под ковер: «Главное — не выносить сор из избы!» Проще ведь прикрыть проблему, чем признать, что форма без содержания остается бессильной и бессмысленной.

Так происходит все более сильное отмежевание от реальной проблемы и попыток исправить положение. И чем дольше человек отказывается в этом признаться, тем глубже становится замыкание, как отдельного человека, так и целой группы, на самих себе и своей идее.

*

Обида

Без доверия Богу трудно принять Его волю в сложных жизненных обстоятельствах. Иногда человек может пережить предательство, потерю близкого или жестокость. Часто в этом случае он погружается в состояние обиды и связанного с нею желания мести и даже может стать частью традиции, для которой обида стала священной догмой. Коллективная рана часто укореняется глубже личной.

Так воспоминание о болезненной ситуации формируется в установку: «Мы — те, с кем поступили несправедливо. И потому имеем право защищаться». Включается древний механизм «бей или беги». А чаще — «бей первым». Такой человек чаще всего считает, что лучше десять раз ошибиться в чрезмерной подозрительности, чем один раз не распознать врага.

И чем больше святости приписывается боли, тем труднее от нее исцелиться. В крайних случаях это приводит к настроению: «Раз нас гнали за нашу Истину — значит, мы имеем право гнать в ответ». Так жертва замыкается в себе и превращается в палача, не замечая, как незаметно повторяет путь тех, от кого когда-то страдала.

Итог: заменители света не дают тепла

Повторюсь, все эти сценарии — не проявление какого-то откровенного зла. Они возникают как попытки удержать тепло там, где исчез огонь. А потому бороться с ними напрямую — значит сражаться с симптомами, не касаясь причины.

Более того, если это — защитный механизм, то он возник не просто так, не на пустом месте. Уже из самого названия становится ясно, что он появился как способ сохранить внутреннюю устойчивость. И если мы попытаемся разрушить проблему извне, ее носители будут сопротивляться. Причем, как правило, не слишком миролюбиво.

Но если человек обретает живую связь с Богом, эти механизмы теряют свою внутреннюю значимость и кажущуюся необходимость, а вместе с ней и власть над человеком. Потому как **когда возвращается Свет, тени исчезают сами.**

И тогда уже больше не нужен удобный ярлык, чтобы различать добро и зло. Не нужно быть «в своей стае», чтобы ощущать опору. Нет необходимости сравнивать себя с другими, чтобы почувствовать свою ценность. Не нужно искать эйфории, чтобы пережить благодать. Не нужно делать идиолом форму, чтобы быть уверенным в присутствии Бога. Нет нужды мстить за боль, чтобы ощутить справедливость.

При этом я ни в коем случае не осуждаю сами по себе те идеи, о которых говорил выше. Ни стремление к правильному исполнению ритуала, ни строгость в духовной практике, ни глубокую приверженность традиции, ни радость от совместной молитвы, ни даже горечь памяти о боли, пережитой общиной. Проблема не в них. Проблема возникает, когда они подменяют собой саму суть нашей связи с Источником и становятся ширмой, призванной отвлекать от боли разлуки с Ним.

Но все это вновь обретает ценность, лишь когда питается от живого корня — реального присутствия Бога. Тогда на место жесткой сектантской убежденности в собственной непогрешимости приходит дух настоящей веры, берущей истоки в глубине сердца и способной различать, не отвергая при этом. Любящей правду и не боящейся сложностей.

?

*

Какие состояния (страх, одиночество, бессмысленность, скука, пустота, обида) вы чувствуете в своей жизни наиболее часто? Какие защитные механизмы с этой связи вы замечаете в себе?

*

Что обычно вы делаете, когда сталкиваетесь с внутренней пустотой — ищете Бога или стараетесь заглушить это чувство? Что помогает вам перейти от борьбы с симптомами к настоящей встрече с Богом, и что в вашей жизни пока мешает этому?

Аутоиммунные заболевания религий

Когда в наш организм попадает враждебный вирус или бактерия, иммунная система не сразу способна его распознать, и человек заболевает. Со временем наш иммунитет учится различать и уничтожать врага, а заодно запоминает его, чтобы при следующей встрече среагировать быстрее. Но иногда в его работе происходит сбой: «непрощенный гость» по своим биохимическим свойствам может быть настолько схож с клетками нашего тела, что антитела путают собственные ткани с болезнетворной микрофлорой и начинают разрушать их. Так возникает аутоиммунное заболевание — когда иммунная система организма уничтожает не вторгшиеся болезнетворные клетки, а клетки собственного тела.

То же случается и с верой. Религия — живой организм. И у нее тоже существует иммунная система — способность оберегать себя от искажений. Эта система защищает чистоту учения, помогая отличать подлинное от ложного.

Но, как и иммунитет в теле человека, духовный иммунитет может дать сбой. Когда-то любая вера, действительно повстречав опасную «инфекцию» в виде идолопоклонства, лжепророчества, вседозволенности, гонений или фанатизма, научилась защищаться — и память об этой защите закрепилась в ее духовных рефлексах. Но порой та же защита начинает срабатывать даже там, где реальной угрозы нет. Так возникает «аутоиммунная реакция» религии, когда она, защищая себя, начинает бороться с тем, что тоже несет в себе частицу истины, внешне похожей на одно из искажений.

Это — еще одна из глубинных форм сектантства, берущая начало в страхе от давно пережитой боли. Она путает друга с образом врага. И в этом ее основная опасность, ведь иммунитет веры искренне и свято верит, что совершает полезную деятельность по защите Истины.

Так, иудаизм обжегся на языческих культах древности и выработал бескомпромиссный иммунитет к любым формам идолопоклонства. Благодаря этому он сохранил чистоту единобожия. Но позже та же защита сделала его особенно чувствительным к христианскому учению о воплощении Бога: ведь оно показалось опасным возвратом к языческому обожествлению человека.

Христианство, особенно католическое, в свою очередь, страдало от бесчисленных ересей и внутренних расколов. Чтобы выжить, Церковь выстроила крепкую систему догматов и границ. Но с течением времени эта защита начала воспринимать как угрозу любое отклонение от привычного порядка: от пространных и глубинных размышлений ученых богословов до внутренней молитвы простых людей или научных поисков тех, кто пытался познать Творение академическим путем.

А позднее, в ответ на этот перегиб, протестантский мир выработал противоположное «антитело»: полное недоверие к авторитету и форме иерархической церкви.

Православие же, реагируя на эти рационалистические перегибы Запада, выработало собственный иммунитет — настороженность к попыткам рассуждать о Боге логикой разума. Эта память о защитной реакции сохранила глубину мистического опыта и чистоту литургического предания, но местами превратилась в страх перед живой мыслью, критическим мышлением и обновлением восприятия Истины. Там, где необходимо было различить дух в его нетрадиционном облики, оно порой оберегало форму, опасаясь все новое принять за соблазн.

Ислам, подобно иудаизму, родился среди племен, поклонявшихся идолам, и его пророческая миссия стала очищением образа Бога от всякой телесности. Так, его учение развило предельную осторожность к символам, изображениям, антропоморфным описаниям Бога — чтобы не спутать Творца с Творением. И в тот исторический момент этот иммунитет действительно был благом. Но позже, когда ислам встречался с другими традициями — особенно с христианством и вайшнализмом, где Бог проявляет Себя в личных образах, — тот же имму-

нитет начинал действовать против самой идеи Божественной Личности. Любое упоминание о Боге как о личности с именем и обликом воспринималось как возвращение к идолопоклонству.

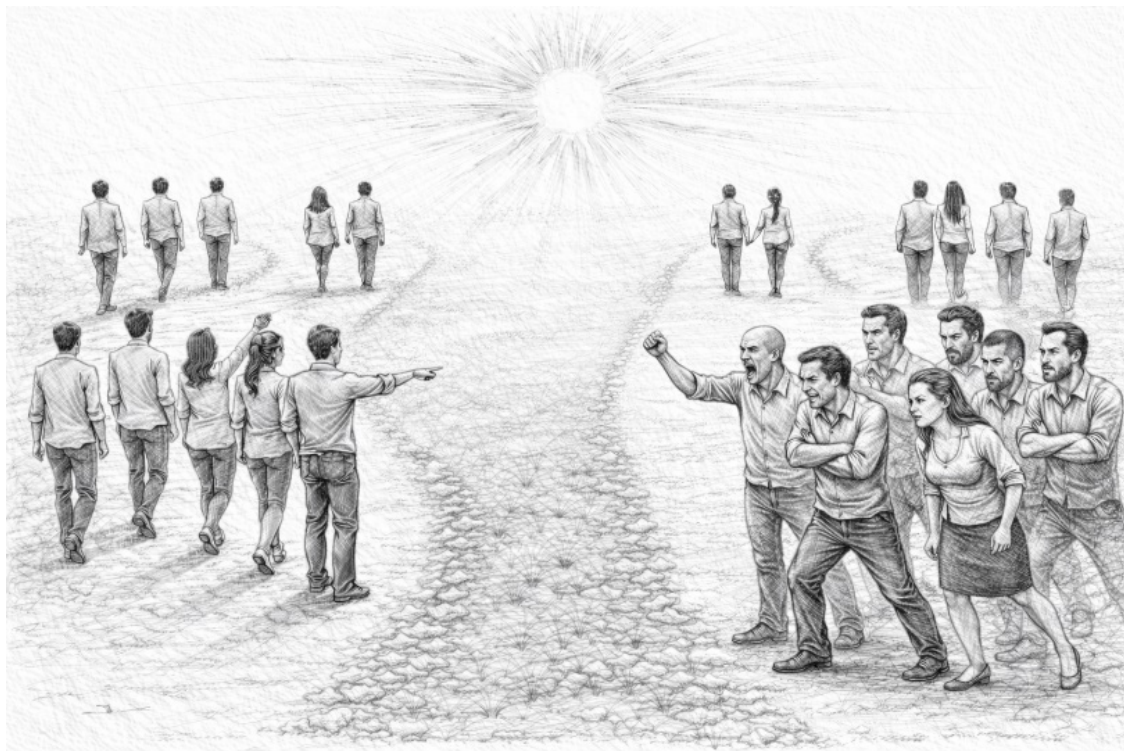
Вайшнавизм, напротив, прошел через искажения, связанные с безличным восприятием Абсолюта. Когда-то в Индии имперсонализм действительно занял многие лидирующие позиции в обществе, в противовес живой теистической вере, представляя Бога как безличное начало, где нет ни имени, ни формы. В ответ на это вайшнавская традиция, защищаясь, выработала сильнейшее «антитело» против любой мысли о безличном Божестве. Но этот духовный иммунитет иногда заставляет их болезненно реагировать на исламское и христианское утверждение о трансцендентности Бога, где отсутствует Его конкретный личностный образ.

Так, например, вайшnavы видят в исламе опасное приближение к безличному восприятию Бога, а ислам в вайшнавизме — риск очеловечивания Творца. Так каждый видит в другом отражение той болезни, от которой сам когда-то исцелился: один когда-то боролся с идолами, другой — с пустотой безличного Абсолюта.

На деле же обе стороны защищают одну и ту же святыню. Просто **каждая религиозная традиция когда-то встретила свою «инфекцию» и теперь чересчур рьяно оберегает рану, оставшуюся после нее.**

Так рождается религиозная аутоиммунность: когда защитный механизм веры не распознает, что перед ним не болезнь, а другой орган того же единого духовного организма, и начинает бороться с этим органом.

Истинное исцеление, конечно же, заключается не в том, чтобы отменить иммунитет и стереть всякие границы, — тогда вера погибнет от настоящей «инфекции». Поэтому прививку от искажений духовной традиции мы постараемся поставить чуть позже в этой же главе. Настоящее исцеление — в том, чтобы различать, где вера защищает Истину, а где сражается с призраками прошлого. Когда же вера исцеляется от аутоиммунной реакции, она перестает сражаться с тем, что способно ее дополнить и расширить.

Одна правда, один путь, один мессия?

Выше мы рассмотрели, как религии могут не противоречить друг другу, если мы понимаем, что разные качества Бога не входят в противоречие в Нем Самом. Как корни сектантского мышления лежат в нашей собственной отделенности от Бога. И все же, подобно тому, как некогда в одной стране повторяли: «Один народ, один рейх, один фюрер!» — так и последователи различных религий нередко приобщаются к той же идее, только в иной формулировке: «Одна правда, один путь, один мессия». При этом черпают авторитетное подтверждение такого подхода в своих священных писаниях.

И действительно, во многих из них можно встретить утверждение об исключительности избранного пути к Богу. Так, в Евангелии от Иоанна сказано: *«Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через меня»* (Иоанн 14:6). В Коране говорится: *«Воистину, это Моя стезя — прямая, так следуйте же по ней и не следуйте иными путями, чтобы они не отвели вас»* (Коран 6:153). В Псалтири утверждается: *«Он возвестил слово Свое Иакову, уставы Свои и суды Свои — Израилю. Не сделал Он того ни для одного народа, и судов Его они не знают»* (Псалтирь 147:20). А в традиционном тексте Гита-махатмья, сопровождающем Бхагавад-гиту, сказано: *«Есть одно священное писание — песнь Сына Деваки. Есть один Бог — Сын Деваки. Одна мантра — Его святые имена. И одно истинное дело — служение этому Богу»*.

И как нам со всем этим быть? Не собираюсь ли я обвинить священные писания в сектантстве?

?

А как вы сами воспринимаете эти строгие утверждения писаний?

Давайте попробуем разобраться, что же здесь имеется ввиду. И для этого сначала постараемся понять, чем эти утверждения не являются.

Во-первых, это **не призыв к насилию, гордыне или высокомерию**. Утверждение об «одном пути» никогда не давало права на религиозное высокомерие или насильственное навязывание веры. Ведь **там, где звучит призыв к верности, всегда звучит и призыв к смирению**. *«Нет принуждения в религии»* (Коран 2:256). *«Кто ты, чтобы осуждать чужого слугу? Перед своим Господом стоит он или падает»* (Библия, Послание к Римлянам 14:4). *«Ненасилие — высший долг»* (Махабхарата, Анушасана парва).

И там, где эти слова принимались через призму смирения, рождались такие личности как Серафим Саровский, Моше бен-Маймон, Баха ад-Дин Накашбанд и Рупа Госвами — люди, прославившиеся не гордостью, а кротостью и миролюбием.

Во-вторых, это **не отказ другим в праве идти своим путем**. С такими словами об «одном пути» всегда обращались к конкретной группе людей в конкретных обстоятельствах и контекстах. Это особенно видно на примере христианства. Слова Христа «Я есмь путь...» были сказаны в узком кругу учеников в ночь перед Его распятием. Эти слова были не для споров с другими, а чтобы утешить и укрепить тех, кому предстояло через несколько часов пережить тяжелейшие испытания. Об этом говорит весь тон той беседы: *«Да не смутится сердце ваше»* (Библия, Евангелие от Иоанна 14:1), *«Любите друг друга»* (Библия, Евангелие от Иоанна 15:12).

При этом апостол Павел в Послании к римлянам писал, что *«язычники, не имеющие закона, по природе законное делают... показывая, что дело Закона у них написано в сердцах»* (Библия, Послание к Римлянам 2:14–16). Это означает, что путь во Христе признается им полным, но не единственным, каким Бог может действовать в людях. Ранние отцы Церкви — Ириней Лионский, Иустин Философ, Максим Исповедник — прямо говорили о «семенах Слова» вне границ христианской общины. Иначе они не могли бы с уважением видеть в

Сократе «христианина до Христа». Они признавали: спасительная сила Бога может действовать за пределами явного знания о Христе, «по неспостижимой нам экономии».

То же самое находим в Коране. Он с одной стороны провозглашает ислам «завершением религии» (Коран 5:3), а с другой — говорит: *«Иудеи, христиане и сабеи, уверовавшие в Бога и творящие добро, не познают страха и не будут опечалены»* (Коран 2:62). Классические комментаторы разъясняли: ислам для мусульман — совершенное руководство, но Аллах оставил за Собой суд о сердцах «людей Писания». И само существование категории «*ахлю-ль-китаб*» показывает, что признание чужого пути встроено в саму структуру шариата.

В Бхагавад-гите Кришна говорит: *«Когда человек обращается ко Мне, Я отвечаю ему взаимностью. Каждый, таким образом, непременно следует Моим путем»* (Бхагавад-гита 4:11). Это утверждение ясно дает понять: единая цель не отменяет разнообразия путей к ней.

Наконец, сама логика откровения говорит нам: если Бог безграничен, ни одна культура не может выразить Его полностью. Чтобы священное писание оставалось таковым, оно должно фиксировать уникальность своего откровения. Но в то же время ни одно писание не может утверждать, что Бог перестает быть Отцом мира и не может обратиться к другим Своим детям. Поэтому каждый канон неизбежно держится между двумя экстремальными полюсами: «То, что мы получили, нельзя размывать» и «Бог свободен даровать свои дары другим как Он того пожелает».

Каждое откровение очерчивает ясные границы, внутри которых оно становится безусловным для своей общины. Но при этом сам текст смотрит за эти границы и не запечатывает их. Не стоит взирать на это как на дань идее религиозной терпимости в современном смысле. Скорее — как на особенность самой структуры откровения: нельзя превратить частный дар в обязательный для всех закон без того, чтобы пойти наперекор самому духу писания. Религия, когда она остается верной своей сути, не отнимает у других права идти своим путем. Она бережно хранит врученное ей сокровище и при этом признает: есть и другие сокровища, о каждом из которых ведает только их Даритель.

Зато такие слова писаний играют роль **напоминания о важности верности**. Данный раздел ни в коем случае не планирует отрицать значимость приведенных выше фраз из писаний. Более того, здесь стоит подчеркнуть, что такие строгие слова о «единственном пути» необходимы. Ведь они удерживают наше внимание на том даре, который нам уже доверен.

Древний Израиль слышал утренний призыв «Слушай, Израиль!» не для того, чтобы превозноситься над другими народами, но чтобы не забыть свой Завет. Христос говорил об узком пути потому, что он действительно узок: он требует прощать обидчиков, не копить сокровищ на земле, не играть в религию ради одобрения окружающих.

Различие Заветов — это тоже проявление воли Бога, который дарует разным людям уникальный «ключ» к Нему, и именно поэтому границы между путями не следует размывать до полного единообразия. Уважение к другому начинается с бережной верности собственному Завету.

Сосредоточенность на своем пути не противоречит широте взгляда. Она делает эту широту глубже, детальнее. **Музыкант может любить различную музыку, но, чтобы стать мастером, он должен ежедневно упражняться в определенном репертуаре. Художник может владеть всей палитрой красок, однако, создавая картину, он использует ограниченную гамму, чтобы изображение было цельным и передавало определенный спектр эмоций.** Так и верующий человек: он остается верен своей традиции, не потому что другие традиции плохи, а потому что глубина открывается через постоянство. Попытка одновременно поститься по исламскому календарю, соблюдать кашрут и причащаться на христианской литургии быстро превратит духовную жизнь в ярмарку символов, где ни один из них не затронет сердца по-настоящему.

Так строгие границы спасают нас от иллюзии того, что можно вобрать бесконечность одним глотком. То, что одному дан верный путь к Богу, вовсе не отменяет того, что другому также дан верный путь, хоть и иной. Но если я брошу свой путь и попробую сразу идти по нескольким дорогам, я вряд ли куда-то дойду. Вот почему писания, уважая свободу Бога открываться множеством способов, сохраняют для каждого учения и каждой общины свой путь.

Этот механизм — внешняя защита хрупкого пока еще ростка веры, а не тюрьма. Он призван удерживать фокус внимания человека на выбранном им практике духовного развития, пока ни вызреет плод его веры.

?

*

В чем вы видите разницу между «исключительностью» и «верностью»? Где проходит граница между уважением к чужому пути и размытием своего?

И главное: ни одна религия не может стать общей для всего мира, но в каждой из истинных религий виден подлинный путь, и этот путь действительно единственный для ее последователей. Сейчас я попробую это обосновать...

Ни одна из существующих религий — ни иудаизм, ни ислам, ни христианство, ни вайшнаизм, ни буддизм — не может стать единой для всех. Поскольку каждая из них неотделима от языка, истории и культуры, на которых она сформировалась. Их ритуалы связаны с календарем и внутренним укладом жизни общества. Традиционные языки каждого из учений несут в себе сакральные смыслы, которые невозможно полностью передать в переводе. Их догматы зиждутся на истории уникальных событий. Если вырвать такую традицию из ее почвы и попытаться пересадить в чуждую ей, половина ее глубины будет утрачена, как в мелодии, сыгранной оркестром другого музыкального направления и в другом стиле.

Также не может быть одной общей для всех системы права и ритуала: *кашрут* и *халляль* не сочетаются с христианским вином *евхаристии*, пост на Рамадан — с пасхальным *седером*, а вайшнавская пуджа — с невозможностью такого поклонения Аллаху в строгом исламе.

То же самое касается и внешних форм. В Ветхом Завете сказано: «*И да будут слова сии знаменем на руке твоей и повязкою над глазами твоими*» (Библия, Второзаконие 6:8). Это превратилось в традицию ношения *филактериев* как знака памяти о Законе. Но если просто перенести этот обычай в иную культуру, где такие символы не связаны с внутренней верой, он утратит свою силу и превратится в пустой ритуал.

Или, например, запрет на изображения живых существ в иудаизме и исламе. Этот запрет возник в среде, где поклонялись идолам. Он охранял чистоту веры в Единого Бога. Но если навязать его там, где изображения служат выражением благодарности или восхищения Божьим творением, он окажется непонятным или даже странным.

Так, чтобы религиозные формы могли стать «единой религией для всех», их пришлось бы вырвать из той почвы, где они сформировались как учение, да еще и «усреднить». Но вместе с почвой исчезло бы и то, что можно назвать духом веры. Храм превратился бы, скорее, в музей, а унифицированная литургия лишила бы каждого верующего родного слова и того трепета, который делает молитву живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.